

6

Прилога до „Галицкой Руси“.

ПОЛОЖЕНІЕ ГАЛИЦКОЙ РУСИ

въ такъ сов. „новой эрѣ“,

представленное во львовскомъ соймѣ
русскими послами изъ партіи „старой“
и „новой эры“.

Цѣна экз. 10 кр.

ЛЬВОВЪ, 1892.

Изданіе редакціи „Галицкой Руси“.

Всѣмъ намъ извѣстно, що по провозглашеніи послѣднѣ Романчукомъ въ соймѣ такъ зовимой програмы—сторонники того же посла заявляли всюду, що вотъ, то теперь начнется для галицкой Руси новое житье, новая эра, въ которой можно будетъ благоденствовать. Великая часть нашихъ людей не довѣряла тѣмъ ожиданіямъ и — якъ теперь окажется— была въ полномъ правѣ имъ недовѣрять. Оказалось нынѣ уже наглядно, що тѣ польскіи политики, которые склонили п. Романчука и его пріятелей выголосити въ соймѣ такъ зовимую програму, желали головнымъ образомъ устами русскихъ пословъ поднести, що галицкая Русь была до 13 (25) ноября 1890 года невѣрна своей церкви и австрійской державѣ и що тѣмъ способомъ всѣ доносы на русскій народъ въ Галичинѣ были оправданы. Пос. Романчукъ — якъ намъ кажется—въ самомъ началѣ не спохватился, що польскимъ политикамъ росходило о подтвержденіе ихъ подозрѣваній и доносовъ на гал. Русь съ одной стороны, а о склоненіе той же Руси на сторону польской партіи съ другой. Сегодня уже лишь невидящии и неслышащии люди не

знають, що польскіи политики подь „вѣрностію державѣ“ понимаютъ вѣрность для державы польской, а не австрійской, а подь вѣрностію церкви — поддерживаніе латинизаціи нашего обряда и постепенную перемѣну нашей русской церкви въ латинско-польскую.

Также иначе понималъ пос. Романчукъ, а иначе понимали польскіи политики предвѣщенное улучшение доли русской народности въ Галичинѣ. Пос. Романчукъ вѣрилъ даннымъ ему обѣщаніямъ такъ, якъ онъ тѣ обѣщанія понималъ. Но польскіи политики понимали свои обѣщанія иначе, чѣмъ п. Романчукъ. Они, говоря о удовлетвореніи требованіямъ русскаго народа, числили на то, що жалобы того народа не будутъ могли подноситься въ державной думѣ и въ такихъ газетахъ, которыи имѣють ходъ въ цѣлой Европѣ. И въ самомъ дѣлѣ по провозглашеніи г. Романчукомъ такъ зов. программы, польскіи политики допустили въ вѣдѣнскую державную думу лишь такихъ русскіихъ пословъ, которыи обязались: не подносить тамъ ніякихъ жалобъ по поводу кривдъ русскаго народа. Но чтобы о тѣхъ кривдахъ не знала также публика по-за предѣлами Галичины — польскіи политики предприняли также отвѣтныи мѣры. Доказательствъ о предпріятіи тѣхъ мѣръ у насъ — розумѣется — нѣтъ, однако фактъ останется фактомъ, що вѣдѣнская *N. fr. Presse* и петроградскіи газеты польскіи *Kraj* и русское „Новое Время“, писавшии до 13 (25) ноября 1890 года о кривдахъ галицко-русскаго народа, отъ того времени не хотять о нихъ знати и даже иногда росплывають надъ благополучіемъ,

въ якомъ галицко-русскій народъ проживаетъ.

Между-тѣмъ давное положеніе гал. Руси въ новой эрѣ вовсе не смѣнилось. Система осталась та самая, а поодинокіи событія, иллюстриющіи ту систему, находятся на столбцахъ майже каждого нумера галицко-русскихъ газетъ, если же о того рода событіяхъ молчатъ такъ зовимыя русскіи послы вѣдѣнской державной думы, если о нихъ не упоминаютъ такіи газеты, якъ Крај, „Новое Время“ и N. fr. Presse — то въ томъ отношеніи можно благодарити лишь покровителей такъ зовимой новой эры.

Но число фактовъ, иллюстриующихъ наше положеніе, было въ „новой эрѣ“ такъ многочисленное, що наконецъ прорвало терпѣніе самыхъ загорѣльшихъ ново-эристовъ. Факты тѣ могутъ убѣдити всѣхъ людей доброй воли о томъ, що польскіи политики, склонившіи г. Романчука къ провозглашенію такъ зов. программы, имѣли на оцѣ свои, а вовсе не галицко-русскіи интересы.

Лучше всего иллюстриють такъ зов. новую эру печатаемыи нами рѣчи русскихъ пословъ сойма, произнесенныи 11 (23) и 12 (24) сентября с. г. при генеральной росправѣ надъ краевымъ бюджетомъ, и то пословъ изъ всѣхъ галицко-русскихъ партій, именно же д-ровъ Антоневича, Короля и Окуневскаго а также автора ново-эрской программы г. Романчука. Рѣчь того послѣдняго замѣчательна не такъ рѣзкостію, якъ больше розоблаченіемъ намѣреній, якими руководился г. Романчукъ при водвореніи „новой эры“ и

также признаніемъ того же посла, що переговоры съ польскими политиками велись (а до того до сихъ поръ никто не признавался) и що со стороны г. Романчука поставлены были (якъ самъ онъ въ своей ниже напечатанной рѣчи признается) такіи весьма ничтожными условія, которые равняются абдикаціи галицко-русского народа изъ своихъ историческихъ правъ и изъ своего народного достоинства.

„Новая эра“—якъ общеизвѣстно — разбила галицкую Русь и водворила среди народа деморализацію, однако пользы для русского народа — якъ то призналъ самъ г. Романчукъ въ своей ниже приведенной соймовой бесѣдѣ — не принесла майже ніякой, а если и принесла якіи-то уступки, то они вовсе не уравниваютъ утратъ, понесенныхъ въ той „новой эрѣ“ галицко-русскимъ организмомъ.

Рѣчь посла д-ра Ник. Антоневича.

Думаете ли, что если мы въ оппозиціи, то дѣлаемъ то для пріятности и лишь для оппозиціи? Вѣдь же каждый знаетъ, что о много лучше и практичнѣйше належати до правящей партіи и стояти ближе стола, чѣмъ належати до оппозиціи; если же мы принуждены быти въ таковой, то будьте увѣрены, что у насъ есть на то весьма важныя причины.

Для того я поставилъ себѣ задачею: высказать причины, изъ-за которыхъ мы не можемъ признати себе задоволненными якъ изъ политическихъ, такъ также изъ автономическихъ властей и то такъ въ культурной, якъ просвѣтительной, экономической и политической области. Прошу лишь мене выслухати, а потомъ будете могли издати свой судъ: чи есть тутъ у насъ основаніе жаловатися, а если вы мене убѣдите, что мы воюемъ z wiatrakami, то я самъ передъ вами буду капитуловати.

Я каждого года выступаю въ бюджетной дебатъ; я всегда предлагалъ долгій рядъ жалобъ и требованій, однако не лишь я, но передъ мною мои политическіи пріятели дѣлали то самое. Но что-жь сталося съ тѣми жалобами и требованіями? Нашъ голосъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь и хотя соймовое большинство того голосно не сказало, однако на-

вѣрно подумало себѣ: „*Vae victis!* (Горе побѣжденнымъ!), мы, яко большинство, не потребуемъ о васъ, яко о меньшинство, печалитися и на ваши жалобы рефлектовати!“

Но та наша борьба въ конституційномъ заступничествѣ, въ нашемъ краевомъ парламентѣ, ставалась чѣмъ разѣ больше лагодною; оружія ставали тупыми, мы всегда сближались до себе, бо слѣдуетъ признати, що и между большинствомъ нашего сойма отзывались — хотя и спорадично — голоса, що и русскому народу належится справедливость. Когда уже сближалась та минута, гдѣ братніи славянскіи народы, на основаніи *clara pacta*, хотя не приступали до формального примиренія, то по крайней мѣрѣ могли бы найти *modus vivendi* — нашлись злыи духи, которымъ но не было на руку. Тѣ злыи духи, посредствомъ такъ зовимой „угоды“ или уніи, на основаніи *divide et impera* (дѣли и пануй!), вызвали ужасный, небывалый роздоръ въ нашемъ народѣ и снова отдалили насъ отъ васъ. Подъ видомъ „угоды“ и такъ зовимыхъ „концесій“, (бо никто розумный не назоветъ то „концесією“, що намъ законно належится!) — посредствомъ той „уніи“, якъ знаете, сталося много зла: роздоръ убольшается, мы одни отъ другихъ отдаляемся.

И то диво сталося въ конституційной державѣ, правительство которой выписало на своемъ прапорѣ: примиреніе народностей. Есть то теркая и тяжкая пронія судьбы: на прапорѣ выписано примиреніе, а въ дѣйствительности вызвано вражду!

Если мы давнѣйше жаловались на наше положеніе; если мы вели въ соймѣ борьбу о наши права, то было то природное дѣло, какое бываетъ въ каждомъ парламентѣ. Ведучи борьбу съ политическими противниками, мы могли по крайней мѣрѣ надѣяться, що откровенною и честною борьбою съ временемъ выборемъ свои права. Теперъ сталося иначе; сегодня наши такъ зовимыи аліанты стали мѣшати въ наши домашніи дѣла; они, подѣ предлогомъ „уніи“ и „угоды“, задають намъ самыи ужасныи удары въ сердце и хотять намъ розрушити то, що для насъ самое дорожное и самое святѣйшее. Гг. „алианты“ хотять намъ отнять то, що осталось намъ яко дорогое 1000-лѣтнее достояніе по нашихъ предкахъ, наше слявянское письмо. При томъ наши братья-славяне не соромятся говорити, що слявянскіи буквы заключаютъ въ себѣ государственную измѣну! И то дѣется въ такой державѣ, гдѣ есть основныи держ. законы, на которыи каждый урядникъ присягалъ, а которыи запоручаютъ каждой на-народности свободу: плекати и розвивати свой языкъ. Не есть же то также иронія судьбы?

Скажете мнѣ, що я деклямую элегію, однако я поставилъ себѣ задачею доказати, що та элегія не есть поэзію, такъ якъ она основана на живой правдѣ и дѣйствительности. Яко заступникъ русскихъ и сельскихъ громадъ, я вижу себе принужденнымъ по крайней мѣрѣ коротко высказати и доказати, якіи кривды поносимъ мы изъ взгляда на нашъ языкъ, якъ наши громады терпятъ не меньшіи кривды, которыи не лишъ не у-

меньшаются, но, напротивъ, убольшаются и въ значительной части привели нашихъ сельянъ къ отчаянію, а иллюстраціею того отчаянія есть весьма печальный фактъ — эмиграція. Наши кривды и жалобы достигли кульминаційного пункта и я сильно вѣрю, що въ сей выс. палатѣ найдутся люди, которые сходятъ безсторонно и справедливо оцѣнити мои воззрѣнія.

Начинаю отъ той поры, когда намъ изъ фотеля правительственного комисара сдѣлана была надежда, що зло прекратится, що правительство будетъ старатись такъ уладити наше языковое дѣло, якъ того законъ требуетъ. Было то — если не ошибаюся — въ первыхъ дняхъ апрѣля тек. года. Не хочу говорить о давнѣйшихъ фактахъ, а о тѣхъ, якіи послѣдовали по тѣхъ заявленіяхъ заступника правительства, на которые русскіи послы отвѣтили сердечными „бравами“. Если однако ближе присмотримся фактамъ, которые послѣдовали, то признасте мнѣ справедливость, що мы должны были розочароватися и принуждены тѣ „бравы“ взяти назадъ.

Що-до вопроса, изъ якого источника я тѣ факты черпати буду, то признаю откровенно, що изъ всѣхъ публичныхъ краевыхъ газетъ, безъ розличія партій и народностей. Я думаю, що, не смотря на нынѣшнее заявленіе одного посла (вицепрезидента краев. рады школьной д-ра Бобжинского, назвавшего факты изъ школьной области, на веденныи въ рѣчи д-ра Антоневица, взятыми изъ „Галицкой Руси“ — ред.), публичная опинія должна увзгляднятися правительственными органа-

ми. Извѣстно, що каждую политическую газету читають прокураторъ, полиція и намѣстничество скорше, чѣмъ она попадетъ въ руки предплатителей. Не было бы для того весьма трудно распорядити на случай, если въ газетѣ найдется якая жалоба, сейчасъ велѣти себѣ ту жалобу предложить и изслѣдовати? Вѣдь же то трудно, чтобы мы въ каждой, даже наименьшой, однако для насъ непріятной справѣ начинали процессъ. Примѣчаніе, що я тѣ факты черпаю изъ „Гал. Руси“, вовсе тѣхъ фактовъ не ослабляетъ. Если тамъ случайно якое донесеніе невѣрное, то правительство или официальная газета должны фактъ опровергнуть. Тутъ я обмежаю на приведеніи фактовъ, которые не были опровержены.

Начну отъ резолюціи ц. к. намѣстничества отъ 16 марта с. г., данной русскому институту „Народный Домъ“ въ отвѣтъ на русское письмо. Резолюція та составлена по русски, но латинскими буквами. Резолюція ц. к. старосты въ Скалатѣ отъ 4 апрѣля 1892 г. н-рѣ 5045, доставленная приходнику въ Зеленой о. Хоминскому, говоритъ выразительно, чтобы извлеченія изъ метрическихъ книгъ прислалъ въ староство на каждомъ другомъ, лишь не на русскомъ языкѣ. А вѣдь же законъ заповѣдуетъ свободу употребленія русского языка и письма въ сношеніи съ властями, и въ староствѣ должны знати по-русски. Якъ согласити тѣ обѣ резолюціи съ заявленіемъ правительственного комисара — того я не знаю.

Що-до финансовыхъ властей, то могу также заявити — и то со всякою положительностію — що въ цѣлой восточной Галичи-

нѣ нѣтъ даже одного человѣка, который получилъ бы отъ нихъ податковый аркушъ или формуляръ на фасію на русскомъ языкѣ. Даже редакція „Гал. Руси“ получаетъ, уже по заявленіи правит. комисара, отъ суда краевого карнаго рѣшенія, писанныи по русски, но латинскими буквами. Члены редакціи той же газеты получили отъ того же суда воззванія, изготовленныи по-польски.

Правительственный комисаръ изволилъ заявити, що въ судовомъ сенатѣ ведутся совѣщанія по-русски, а между-тѣмъ сами члены судебного сената во Львовѣ признають, що въ сенатѣ ведутся совѣщанія лишь на польскомъ языкѣ, яко урядовомъ. Давнѣйше случалося, що прокураторъ изготовлялъ иногда обвинительный актъ на русскомъ языкѣ, однако сегодня русскій обвинительный актъ—то бѣлый крукъ, котораго никто не видѣлъ. Рѣшеніе ц. к. дирекціи полиціи во Львовѣ отъ 6 н. ст. апрѣля с. г. ч. 7536 въ отвѣтъ на рекурсъ, внесенный въ ц. к. намѣстничество на русскомъ языкѣ, написано, що правда, по русски, однако латинскими буквами. Въ „Дѣль“ н-рѣ 89 изъ тек. года сообщаютъ, що повѣтоваая финансовая дирекція въ Самборѣ на русское письмо Александра Демяновича въ Мшанцѣ отвѣтила резолюціею— на польскомъ языкѣ!

Сегодня утромъ было тутъ сказано, що будто мы требуемъ, дабы тѣхъ нашихъ людей, которые занимаются политикою, протеговати. Но того мы не требовали, а выразили лишь желаніе, чтобы наши русскіи люди не были упослѣжены. Между-тѣмъ органы пра-

вительства говорятъ: Не занимайся политикою, такъ якъ ничего не достигнешь. Но если можно полякамъ заниматься политикою, то для чего не позволяется заниматься нею нашимъ людямъ? Мы хотимъ, чтобы насъ трактовано на-ровнѣ съ поляками.

Весьма любопытный фактъ приведу еще въ языковой справѣ: Львовская русская митрополичая консисторія выслала въ финансовую прокураторію русское письмо. Прокураторія отвѣтила консисторіи по-русски, но латинскими буквами. Консисторія внесла въ намѣстничество жалобу на финансовую прокураторію и получила отъ президіи намѣстничества рѣшеніе отъ 22 апрѣля с. г., въ которомъ говорится: „Честь имѣю заявити высоко-преподобной консисторіи, що въ томъ предметѣ не могу издати ніякихъ роспоряженій, такъ якъ обовязующіи предписанія. именно же роспоряженіе ц. к. министерства отъ 20 декабря 1859 г. ч. 12.466 и отъ 4 іюля 1861 г. ч. 2.325, которыи на основаніи §. 5 роспоряженія министерства отъ 5 іюня 1869 и на дальше обязують, накладываютъ на власти обязанность лишь принимати русскіи письма и отвѣчати на нихъ на рускомъ языкѣ, при чемъ лишь позволено русскую азбуку употребляти, однако нѣтъ ніякого постановленія, которое заставляло бы власти писати русскими буквами, такъ, що употребленіе русскихъ буквъ вправдѣ позволено, однако не приказано.“

Приведенная резолюція президіи намѣстничества противится основнымъ державнымъ законамъ. Подобный случай стался 10 лѣтъ

тому назадъ между намѣстничествомъ и институтомъ „Народный Домъ“. Намѣстничество и министерство внутреннихъ дѣлъ сказали, что власти не обязаны употреблять русскіи буквы, однако „Народный Домъ“ удался въ державный трибуналъ, который по публично переведенной росправѣ издалъ 25 апрѣля 1882 года рѣшеніе, гдѣ говорится: „Жалоба по поводу неуваженія русскаго письма ц. к. властями вполне основательна, такъ какъ поведеніемъ львовскаго намѣстничества и одобряющимъ то поведеніе рѣшеніемъ министерства нарушены опредѣленія арт. 19 основныхъ державныхъ законовъ, заповѣдающихъ народностямъ право и защиту своей народности въ публичной жизни.“ Въ мотивахъ того своего рѣшенія выражается трибуналъ, что въ правѣ употребленія русскаго языка заключается *eo ipso* и право употребленія народнаго письма, а что у русскаго народа есть народное письмо — то общезвѣстный и ничѣмъ неопровержимый фактъ.

У насъ есть такимъ образомъ резолюція найвысшаго трибунала, что правительственные власти обязаны на русское письмо по-русски и русскими буквами отвѣчати, такъ какъ наши русскіи буквы суть составною частію нашего языка. Но хотя бы того рѣшенія не было, то давнѣйшіи министерскіи роспоряженія утратили свою обязующую силу въ 1867 году, когда обнародовано основныи державныи законы. И даже тогда, когда въ администраціиной дорозѣ признанъ былъ польскій языкъ официальнымъ въ Галичинѣ, то и наши права были тѣмъ роспоряженіемъ заповѣданы, ибо въ инструк-

ціи министерства выразительно говорится, що приватнымъ людямъ, корпораціямъ и громадамъ можно въ своихъ письмахъ употреблять русскій языкъ.

Если мы жалуемся, то не для того, що намъ обѣщано, но по той причинѣ, що то не есть концесія, лишь нами пріобрѣтенное право, отъ которого никогда не отступимъ.

Но не только такими важными дѣлами, а и меньшими докучаютъ намъ изъ всѣхъ сторонъ и то не лишь державныи власти, но также почты и телеграфы, якъ бы мы уже ніякихъ правъ не имѣли. А вѣдь же высшая краевая власть обязана вставитись за нами и тамъ, щобы дѣлалась для насъ справедливость, тѣмъ больше, що намъ тутъ въ соймѣ передъ полгодомъ дало правительство заявленіе въ томъ дусѣ. Вотъ на примѣръ „Народная Торговля“ въ Перемышль выслала въ Буркановъ, почта Золотники, властителямъ крамницъ два письма. Почтовый урядникъ выслалъ письма тѣ обратно и еще написалъ на нихъ по-нѣмецки, що адресаты умерли. (Веселость.) Нѣсколько дней послѣ того адресаты являються въ „Народной Торговль“ и дѣло выяснилось. И можно же такъ дѣлати? У насъ вѣдь есть право и обязанность наши права защищати. А въ якої же цѣли мы тутъ высланы? Но то еще такіи маловажныи дѣла, що органы правительства, если бы у нихъ лишь была добрая воля, могли бы ихъ устранить. Также и съ русскими почтовыми друксортами нѣтъ порядка. Иногда ходится изъ одной улицы на другую и трудно русскіи друксорты получить. Потомъ въ почтовой статистицѣ скажутъ, що

польскихъ друксортвъ роспродалось великое количество, а русскихъ весьма маленькое. Между тѣмъ русскихъ друксортвъ не можно купити, а часто — якъ читаемъ въ газетахъ — нѣтъ ихъ даже въ урядахъ почтовыхъ. А вѣдь же то не великій трудъ приказати уряднику, чтобы постарался имѣти русскіи друксорты, въ противномъ бо случаѣ будетъ каранній. Такихъ фактовъ числится сотни, а они уже за-надто яскравы, чтобы можно ихъ дальше выносить.

Иду дальше. Такъ на примѣръ 6 н. ст. іюля, въ русскій торжественный праздникъ, три баталіоны 58 полка подъ командою полковника Одальского дѣлали военныи упражненія коло Соколова, — а вѣдь же то и полкъ русскій и окрестность русская! Есть то просто соблазнъ. Пов. судъ въ Бучачѣ, именно же судебный адъюнктъ Сокаль (жидъ, добрый полякъ!) на русское письмо далъ резолюцію до числа 7219 изъ тек. года по-польски.

О аферѣ въ Тучапахъ не хочу даже упомянуть, бо, быти можетъ, она счастливо окончится, однако изъ ней ясно оказывается, що конкордіи, уніи и угоды для насъ неумѣстны.

Отъ Золочева сообщаютъ, що тамъ русскіи написи при дорогахъ исчезаютъ, а на ихъ мѣсто появляются польскіи, и то на весьма оригинальномъ польскомъ языцѣ. Кто то дѣлаетъ, неизвѣстно, но нѣтъ сомнѣнія, що якій-то патріотникъ, бо даже съ польско-національными красками ставитъ столбы для тѣхъ нацсей. То самое дѣется въ ярославскомъ повѣтѣ.

Въ Тернополѣ въ женской школѣ выдѣловой преподаетъ учителька русскій языкъ; но она сама того языка не знаетъ, хотя правительственные органы говорятъ, що безъ квалификаціи учительскіи мѣста не обсажаются. Когда она поясняла слова „сбитый изъ пантелику“, то сказала, що „пантеликъ“ то городъ въ Греціи. (Смѣхъ и веселость.) На читальню въ Викторовѣ наложенъ податокъ, а финансовая дирекція подтвердила то рѣшеніе польскою резолюціею, хотя рекурсъ читальни изготвленъ былъ на русскомъ языкѣ. Но самымъ любопытнѣйшимъ есть то, що староство въ Сокалѣ, получившее изъ намѣстничества вывѣску съ русско-польскою написью, не хочетъ выставити той вывѣски и що староста велѣлъ ю сложити въ такомъ локалѣ, о которомъ я не дерзнулъ бы въ соймѣ говорить. А вѣдь если высшая власть приказала выставити вывѣску на староствѣ, то слѣдовало то сдѣлати.

Въ Хащовѣ коло Турки наложена была на гром. начальника грошешая кара за то, що выставилъ паспорты для скота на русскомъ языкѣ. Необходимо было вносити рекурсъ и только намѣстничество даровало кару. Въ гимназій въ Яслѣ есть 44 ученики русского обряда, а русского катихита нѣтъ. Разъ въ недѣлю пріѣзжаетъ тамъ русскій приходникъ изъ села, три съ половиною мили отдаленного, и учитъ нашу молодежь религіи. А то вѣдь весьма немного: учити молодежь разъ въ недѣлю религіи!

Въ „Дѣлѣ“ читаль я, що секретарь буцацкого староства Сидоровичъ, выплачуя по

учительской конференціи діеты, сейчасъ требоваль, щобы тѣ же учителя платили за „Народну Часопись“; а были тамъ учителя, который ту „Часопись“ не принимали, хотя правительство таковую имъ накидало и накидаеть. Я того не понимаю, откуда приходятъ правительственные власти накидати людямъ „Нар. Часопись“? Та „Часопись“ не платитъ ни почтового порта, ни газетного стемпля, а только яко *rzecz urzędowa* розсылаеться громадамъ. Дѣлаеться то для конкуренціи съ другими газетами? — не знаю, однако такая аномалія должна быти утрачена. „Дѣло“ пишеть, що почтойый переказъ, адресованный въ пов. судъ въ Золотомъ Потокѣ, вернулъ по истеченіи 10 дней до суда въ Золочевѣ съ вопросомъ: чего адресать желаетъ и на якую цѣль присылаеть 2 зр.? Между тѣмъ на почтовомъ переказѣ было написано не „Золочевъ“, а „Золотый Потокъ“. Изъ того явствуетъ, що въ судѣ золочевскомъ не было человекъ, который зналъ бы на столько по русски читати, щобы понялъ адресъ на переказѣ.

Пос. Яворскій: *Może było niewyraźnie napisane?*

Д-ръ Антоневиць: Можетъ быти, но въ газетѣ пишутъ, що письмо было выразительное и четкое.

Вотъ дальшія факты. Повѣтовый лѣкарь въ Золочевѣ вызначилъ терминъ до щепленья оспы на 10 часъ въ день 27 августа, т. е. въ торжественный на Руси праздникъ. То не годится, бо именно тогда всѣ люди идутъ въ церковь. Въ Подгайцахъ нѣтъ до нынѣ рус-

ской написи на будынку староства, хотя была приречена. Учителька русского языка въ Сяноцѣ объясняла при науцѣ въ школѣ слово „иконостасъ“, що есть то маленькая скриночка, гдѣ переходуются Божіи дары (веселость), изъ чего, розумѣется, дѣти смѣялись. Слова въ „Читанцѣ“: „На славномъ Подѣлю хлѣбъ на кѣлю“ толковала та самая учителька такъ: „На Подолью край такъ богатый, що хлѣбъ не вѣжится фунтами а килограммами“. (Веселость.) Русское письмо мѣстцевой рады школьной въ Жукотинѣ, адресованное до окружной рады школьной въ Турцѣ, выслано до Турціи (веселость), но тамъ знали лучше прочитати русскій адресъ и письмо вернуло. На самое же письмо мѣстцевая рада школьная въ Жукотинѣ получила такой отвѣтъ: *Zwraca się z poleceniem napisania relacyi po polsku. Z rady szkolnej okręgowej turczańskiej. Mosawski.*

Я думаю, що приведенны факты достаточны для задокументованья того, що що-до нашего языка, нашихъ языковыхъ правъ, за порученныхъ намъ основными законами, мы въ самомъ дѣлѣ терпимъ кривду. Но рсходится мнѣ еще о томъ, що мы нарѣкаемъ справедливо, жалуемся не безъ основанія, голвно для того, що публичныи правительственныи органы опекуются нами тамъ, гдѣ намъ того не потреба, а не оказываютъ своей опеки тамъ, гдѣ бы она намъ придалась. Я бы, быти можетъ, доказати и не упоминаль, если бы не принудила мене къ тому нынѣшняя рѣчь г. вицепрезидента краевой рады школьной, который представилъ цѣлое дѣло

въ крайне ненавистномъ для насъ свѣтлѣ. Росходится о фонетику и явныи стремленія публичныхъ органовъ въ ея корысть. Увѣрю васъ, мм. гг., що мериторично не хочу входить въ ту справу, чтобы не дразнити; впрочемъ не признаю сойма компетентнымъ рѣшати о томъ вопросѣ; то справа чисто домашняя, которую рѣшимъ мы сами безъ чужото вмѣшательства, а уже въ силу конституційныхъ законовъ мы имѣемъ право домогаться, чтобы намъ было предоставлено плеканье нашего языка.

Я сказалъ на вступѣ, що хочу быти откровеннымъ. Того, яко товарищи, можете, мм. гг., отъ мене требовати, и я позволю себѣ объяснить справу, хотя бы оно и не подобалось гдѣ-кому изъ моихъ политическихъ друзей. Если справу ту близше познаете, признаете намъ навѣрно рацію и успѣете благосклонно розсудити: поступаемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ некоректно, а быти можетъ, даже опасно для державы?

Дальше продолжалъ д рь Антоневиць:
Начну отъ 1848 года, въ которомъ наступило возрожденіе нашей народности. Говорять, що графъ Стадіонъ открылъ Русь. Быти можетъ, однако то фактъ, що тогда наши люди выслали до покойного намѣстника Стадіона депутацію и самъ онъ (Стадіонъ) обратилъ ихъ вниманіе на то (а тогда, якъ извѣстно, не было еще ясного сознанія въ галицко-рускомъ дѣлѣ) и сказалъ: Можете числити на помощь и поддержку правительства, однако я вамъ заявляю, що лишь тогда, если хотите быти народомъ самостоятельнымъ, а

не тѣмъ самымъ, который живетъ заграницею, т. е. въ Россіи; значить, если будете русинами а не руссами.

Признаю що уже тогда были между нашими людьми мужи, у которыхъ было увѣреніе, що нашъ галицко-русскій и россійскій языкъ такъ сближены съ собою, що можно ихъ признати яко одно и то самое. Въ отвѣтъ на слова гр. Стадіона русская депутація заявила, що хочеть такъ дѣлать, якъ ей тотъ же Стадіонъ сказалъ и такъ дѣлаемъ мы до нынѣшняго дня. Вскорѣ послѣ того основана была „Галицко-русская Матица“, которой членомъ былъ наслѣдникъ гр. Стадіона, гр. Голуховскій. Основатели „Матицы“ приняли со всею доляностію на своихъ засѣданіяхъ принципы языка, который желали образовати; они опредѣлили дорогу, которою имѣли стремитись до цѣли. Тѣ русскіи ученые заявили, що хотять образовати наше галицко-русское нарѣчіе и я скажу, що они сдержали свое слово.

Правда, що уже тогда были мужи, желавшіи цѣлое дѣло облегчити и нашъ галицко-русскій языкъ признати яко нарѣчіе того языка, который до сегодня употребляется въ Россіи. Наши писатели, выступившіи передъ 1848 годомъ въ „Русалць Днѣстровой“, „Вѣнку“ и прч., совсѣмъ не знали того языка, який употреблялся и употребляется въ Россіи, бо тогда у насъ въ школахъ преподавали всю науку по нѣмецки, а по-за школою молодежь читала польскіи книжки и стремилась къ приобрѣтенію свободы, до которой поощряла

ю тогдашняя польская литература. Между-
тѣмъ безъ ничіей вины оказалось, що нашъ
галицко-русскій языкъ весьма сближенный
до велико-русского или російского. То было
совсѣмъ природно по той простой причинѣ,
бо — якъ извѣстно изъ исторіи и литерату-
ры — начало Руси есть общее. Давнѣйшіи
забытки русской литературы одни и тѣ самыя
такъ наши якъ и велико-русскіи или росій-
скіи, якъ на пр. Лѣтопись Нестора, Слово о
полку Игоря и прч. и до нынѣшняго дня ни-
кому не приходитъ на мысль говорить, що то
не русское, только „московское“.

Такъ сталося и хотя то сближеніе мож-
но было предвидѣти, но можно было числити
и на отдаленіе, если бы велико-русскіи писа-
тели приняли велико-русскіи провинціона-
лизмы въ свою литературу. У страха великіи
очи, однако счастье, що тогда насъ еще ни-
кто официально не подозрѣвалъ. Но поми-
мо того якимъ-то чудомъ появился проектъ
(кто его выдумалъ не знаю, но съ временемъ
то откроется), досыть що въ 1859 году по-
явился подъ фирмою министерского совѣтника
Иречка проектъ, чтобы насъ склонити къ при-
нятію польской азбуки. Созвана была анкета
и въ составъ ея призваны были также тѣ
наши люди, которые писали по русски латин-
скими буквами, на пр. покойный яворовскій
приходникъ Іос. Лозинскій, который, не зная
русской азбуки, писалъ въ свое время латин-
скою азбукою. Оказалось, що на той анкетѣ
майже всея русскіи члены объявились за
задержаніемъ русской правописи и русскихъ
буквъ и сдѣлали то мужи, о лояльности ко-

торыхъ никто не смѣлъ сомнѣваться и при томъ заявили, що отъ принциповъ, высказанныхъ въ 1848 году, не отступять.

Мы утратили тогда у правительства милость или, быти можетъ, кто-то изъ нашихъ пріятелей намъ до того прислужился, що правительство старалось накинути намъ другую правопись, когда не удалось ввести латинскіи буквы. Однако накинутая та правопись не нашла между нашими людьми симпатіи и названа была — и то даже учениками — какографіею. Нѣкоторые политики старались въ министерствѣ, чтобы изъ нашей азбуки по крайней мѣрѣ четыре буквы (ѣ, ы, ѣ и ъ) выкинути и только когда пок. митрополитъ Яхимовичъ отправился въ Вѣдень и представилъ тамъ, що того быти не можетъ — напасть на нашу азбуку былъ приостановленъ. А тѣ четыре буквы то въ полномъ того слова значеніи славянскіи и я не знаю языкослова, который безъ тѣхъ буквъ могъ бы правильно понимать происхожденіе словъ.

Такъ стояли дѣла въ 1859 и 1860 году. Между тѣмъ у насъ въ краѣ возникла новая партія, такъ зовимая украинская, а то на подставѣ читанья украинскихъ книжокъ, которые тогда спроважены были въ великомъ числѣ. Быти можетъ, що она возникла изъ чіей намовы (Абанкура, Голуховского, Свенцицкого и прч. — ред.), но та партія не могла сильно розвиватися, а то по поводу, що не было ни грамматики, ни словаря, изъ которыхъ можно бы научитись украинского нарѣчія. И не дармо заявляютъ сами украинцы, якъ на пр. Чайченко, що наши галиц-

кін українофілы українського языка не знають.

Кончилось на томъ, що теперъ образовались двѣ партіи, которыи могли жити въ согласіи: одна и другая могли поддерживать свое нарѣчіе, якъ то въ дѣйствительности было. Когда не было еще основныхъ держ. законовъ, то мы не могли ничего говорить, но когда появились тѣ законы, запоручающіи свободу развитія своего языка, то для насъ печально, що и тотъ законъ остался для насъ только на паперѣ.

Такъ стояли дѣла до 1888 года. Въ упомянутомъ году — не знаю по чіей инициативѣ — въ Галичинѣ и на Буковинѣ предложено комисіи для составленія русскихъ школьныхъ книжокъ проектъ, чтобы принять фонетическое правописаніе. Большинство комисіи объявилось противъ фонетики, однако не минуло 4 лѣта послѣ того, а агитація щодо фонетики розвинулась опять. У мене нѣтъ мандата ни за, ни противъ фонетики говорить. Я считаю лишь моимъ обовязкомъ дати поясненіе въ томъ дѣлѣ, чтобы у васъ, мои гг., было свое понятіе и мнѣніе и чтобы вы насъ безъ причины не виновали.

Дѣло то было якъ-то притихло, но наразъ роспространилась вѣсть, и то вѣсть отъ первого апрѣля. Мы думали, що то лишъ prima argilis на годъ 1891, однако, къ сожалѣнію, то была дѣйствительность. Инициативу въ томъ дѣлѣ поднялъ не кто другій, а краевый выдѣлъ. Якимъ правомъ онъ то сдѣлалъ — не знаю, бо компетенціи выдѣла краевого въ того рода дѣлахъ не признаю.

Тотъ краевый выдѣль рѣшилъ въ короткой дорожѣ, чтобы къ переписцѣ съ русскими сторонами употреблять фонетическаго правописанія. Но выдѣль краевый долженъ былъ посмотрѣти въ акты и увзгляднѣти дѣйствительность, а онъ былъ бы переконался, что-до его рѣшенія не было разумной подставы. Выдѣль краевый за горячо приложилъ руку до sprawy нашей, а не своей. Для того у мене есть жаль прежде всего до краевого выдѣла, непрошенно вдавшагося въ справу, которая есть нашою домашнею справою. Такимъ своимъ поведеніемъ краевый выдѣль дискредитуетъ фонетику, бо каждый, у кого есть досвѣдченье, скажетъ: если выдѣль краевый фонетику вводитъ, то не лежитъ она въ интересѣ русскомъ, а въ чіемъ иномъ.

То было начало. По истеченіи поль года — 25 дек. 1891 г. — Товарищество имени Шевченка внесло уже просьбу въ министерство, чтобы фонетика введена была въ школахъ. Товарищество им. Шевченка не есть ни такъ старое якъ на пр. Ставропигія или Галицко-русская Матица, ни такъ весьма численное и не можетъ признаватись представителемъ всего нашего народа. Когда мы о томъ узнали, посыпались противъ того протесты и случилось то, чего у насъ до теперъ не было, что протесты противъ введенія фонетики числили около 30.000 подписей.

Я думаю, что выс. краевое правительство должно было съ тѣмъ числитися и себѣ сказати: „Одни русины хотятъ фонетики, другіи — и то большая часть — тому противны;

менѣ до того нѣтъ дѣла“. И таки по-правдѣ безстороннее правительство должно бы и тутъ, взглядомъ правописи въ русскомъ языкѣ, проявити свою безсторонность и предоставити справу рѣшенію самыхъ русиновъ. Между-тѣмъ краевое правительство поступило себѣ тутъ явно парціально. Просьбу „Товарищества Шевченка“ слѣдовало роземотрѣти основнѣйше и розглянутись, кто ея авторомъ: предсѣдатель „Товарищества“ лежалъ тогда больной на смертной постелѣ, а просьбу написалъ секретарь, человекъ неконечно образованный, и написалъ такъ, що прямо оскорбилъ всѣхъ. Въ просьбѣ сказано между прочимъ, що есть два направленія въ русской литературѣ: одни употребляютъ фонетику, другиѣ этимологичную правопись, якая употребляется за границую, и оно ясно, що фонетики стремятся до развитія своего народного языка, до самостоятельности, а тѣ, которые употребляютъ историческую правопись, деморализуютъ молодежь, бо говорятъ: одна правопись, одинъ языкъ и т. д. Такимъ образомъ доткнена и краевая школьная рада и намѣстничество, бо тѣ власти держались до теперъ правописи исторической. Коротко сказавши, просьба „Товарищества Шевченка“ въ правописномъ вопросѣ — то прямо денунціація на всѣхъ.

Наконецъ розосланы были учителямъ, преподающимъ русскій языкъ, отзывы. Но и тутъ снова краевое правительство поступило себѣ — по моему мнѣнію — парціально и такъ дипломатично, що конецъ-концемъ не трудно было фонетику, но еще и що другое

перевести. На томъ самомъ паперѣ, на которомъ сообщена была просьба Товарищества им. Шевченка, находилась лишь короткая допись краевой рады школьной, чтобы учителя объявились или за фонетикою или за историческимъ правописаніемъ. Повторяю, что допись рады школьной находилась на томъ самомъ паперѣ, на которомъ была отписъ просьбы Товарищества им. Шевченка, слѣдовательно казалось, что краевая рада школьная совершенно съ аргументами Тов. Шевченка соглашается. Молодые учителя говорили: „Правительство того хочетъ и я, хотя противный фонетицѣ, сопротивляться не могу, бо сопротивлюсь моей власти“. Другихъ учителей, о которыхъ было извѣстно, что не объявляются за фонетикою, устранено уже передъ тѣмъ отъ науки русскаго языка въ гимназіяхъ, чтобы въ справѣ правописи не имѣли голоса.

Тѣмъ способомъ сталося, что изъ шестидесяти нѣсколько учителей лишь сверхъ 20 объявилось явно противъ фонетики. Но въ дописи краевой рады школьной стояло: Вы должны объявиться за или противъ фонетики безъ всякихъ мотивовъ, бо будетъ созвана анкета и она переведетъ дискусію. Между тѣмъ анкету созвано въ большой части изъ сторонниковъ фонетики и до дискусіи никого не допущено. О томъ розказовали тѣ, которые въ той анкетѣ засѣдали. Въ той анкетѣ изъ 12 голосовъ 10 объявилось за фонетикою, а два противъ, т. е. за задержаньемъ исторической правописи. Даже пчт. предсѣдатель (д-ръ Бобжинскій — ред.) изъ ироніи, наивности или изъ другихъ поводовъ сказалъ, что

мы (поляки) въ то дѣло не мѣшаемся, а если вы того хотите, то рѣшайте сами! То иронія! Противъ фонетики были тысячи подписей, а между ними были не лишь члены изъ старой партіи, но также много изъ молодой, а даже нѣкоторыя соймовыя послы, належащія до молодой партіи. Правда, що за фонетикою были радикалы, однако они еще не составляютъ большинства русскаго народа.

У насъ есть жалъ до правительства, що оно поступало парціально, бо его должностію было станути по-надъ партіями и если знало, що 30.000 подписанныхъ на протестахъ, между которыми былъ цвѣтъ русской интеллигенціи, требовали давной исторической правописи, то не должно было фонетику такъ форитовати. Краевое правительство должно знати, якъ смотритъ большинство русскаго народа на то дѣло. Оно не должно было легковажити такъ численныя протесты. Впрочемъ мы спокойно смотримъ въ будущность, такъ якъ имѣемъ еще державное правительство, министервъ и трибуналы и для того мы увѣрены, що исполнится пословица: *Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen.*

Прошу васъ, если бы за кордономъ отограли такую самую комедію и даже анкету составили, на пр. въ Варшавѣ, если бы вамъ тамъ сказали: „Вы (поляки) должны принять славянскую азбуку, бо ваши предки тою азбукою писали!“

Гр. Стан. Бадени: **Takich polaków nie ma!** Tylko rusini są tacy, niestety!

Д-ръ Антоневичъ: А можетъ быти найдутся — для чего нѣтъ?... „Есть старыи польскіи книжки, печатанныи готическимъ письмомъ — скажутъ вамъ въ Берлинѣ — пишите готикою.“

Голось: Нѣмцы пишутъ латинкою.

Д-ръ Антоневичъ: Бо такъ хотять, а мы хочемъ писати своимъ старымъ письмомъ славянскимъ и не позволимъ себѣ отняти изъ него даже одной іоты. На всякій случай ожидаемъ отъ васъ на томъ полѣ примѣра.

Такимъ порядкомъ пошла справа, однако до того причинилось не лишъ правительство, но также краевый выдѣлъ. Не газета „Галицкая Русь“ будетъ тутъ аргументомъ и доказательствомъ, а акты краевого выдѣла. Лежить же то въ компетенціи автономичной власти, чтобы она въ то мѣшалась? Того еще никто не слышалъ, однако тотъ фактъ доказалъ, що въ томъ краевомъ выдѣлѣ засѣдають неизвѣстныи до сихъ поръ языковыи знаменитости (розумѣется Савчакъ и Хамецъ! — ред.), которыи дѣломъ нашего языка занимаются. Препоручено ли то краевому выдѣлу статутомъ, гдѣ выразительно опредѣлено, що до кр. выдѣла належитъ, а що не належитъ?

Если бы еще актъ краевого выдѣла былъ такой, якъ его первоначально референтъ (г. Савчакъ — ред.) написалъ, то въ немъ промовляли бы за фонетикою лишъ злый польскій и еще горшій нѣмецкій языкъ, однако тамъ до той печени домѣшано полицію и за много дано полицейского сосу!

Мы протестуемъ противъ подозрѣванія насъ въ антидержавныхъ стремленіяхъ. Языкъ и правопись то дѣло науки и литературы и тутъ рѣшить лишь наука!

Боюсь, чтобы вамъ не наскучити, если бы я весь тотъ рефератъ краевого выдѣла прочиталъ. Позволю себѣ для того лишь послѣдній уступъ прочитать, а вы, мои гг., издайте судъ, якъ то намъ весьма пріятно читати такую печеню съ такимъ сосомъ. Въ рефератѣ томъ есть почеркъ референта и еще якого-то — якъ менѣ кажется — интеллигентного филолога, который дописалъ свое мнѣніе, есть корректура презеса краевого выдѣла (г. Хамца — ред.). Рефератъ требуетъ (пос. Кулачковскій: Слушайте!) гражданки и фонетики, а корректоръ только фонетики — и розумѣется также польского алфавета. Такъ! (Читаетъ по нѣмецки): „Не лишь въ интересѣ русскаго народа и принадлежащихъ ему правъ, но также въ первой линіи въ интересѣ монархіи (sic!), требующомъ настойчиво очищенія (такъ!) русскаго (ruthenisch) языка отъ россійскаго (russisch) вліянія.“ Прошу васъ, мои гг., ввѣ же то чистая денунціяція. Первоначально стояло въ рефератѣ, що выдѣлъ краевый видитъ себе verpflichtet, т. е. обязаннымъ, а потомъ перемѣнено то на gedrängt, т. е. „принужденнымъ“ (читаетъ дальше нѣмецкій текстъ:) „вышепредставленное положеніе дѣлъ привести къ свѣдѣнію выс. ц. к. министерства и просити о чѣмъ скорѣйшее устраненіе выказанныхъ неудобностей (Unzukömmlichkeiten).“ Рефератъ

сей носить дату 23 іюля 1892 г. (Любопытный сей документъ печатаемъ при концѣ книжки въ цѣлости и отмѣчаемъ въ немъ, которыи уступы написаны г. Савчакомъ и которыи исправлены г. Хамцомъ, который, женившись въ Россіи, и имѣя тамъ же помѣстья за женою, можетъ больше чѣмъ г. Савчакъ знати о „опасностяхъ“, грозящихъ галицко-рускому языку отъ „россійскаго“ вліянія; — ред.) Актъ сей изготовленъ былъ еще въ мѣсяцѣ февраль тек. года, а только въ іюль былъ экспедіованъ.

Но не конецъ на томъ, що краевый выдѣль издалъ такой славный концептъ, бо на томъ актѣ есть еще слѣдующая дописка (читаетъ): Do świetnego prezydium c. k. Namiestnictwa we Lwowie. Odezwa. Wydział krajowy ma zaszczyt przesłać w załączeniu swoje przedstawienie do c. k. ministerstwa spraw wewnętrznych w sprawie urzędowych tłumaczeń i publikacyj w języku ruskim z prośbą, ażeby zechciało przedstawienie to rzeczonemu ministerstwu przedłożyć i poprzeć ze swojej strony. Тутъ не расходится о томъ, що самъ выдѣль краевый поступилъ некоректно и несоотвѣтно, но що онъ старался еще склонити намѣстничество до того самого поступованья, которое трудно назвати честнымъ. Изъ того будете могли поняти, какое намѣреніе заключалось въ словахъ предсѣдателя правописной анкеты (д-ра Бобжинскаго — ред.), що polacy w tę sprawę się nie mieszają. А все-таки то дѣялось одновременно.

Пос. Романовичъ: Tego żądali sami rusini!

Д-ръ Антоневичь: Не должны же мы откровенно сказать себѣ правду въ очи? *Slara pasta, claros faciunt amicos.* Если мы хотимъ разомъ трудиться для края, то должны мы вести съ собою борьбу? Краевая рада школьная писала также въ томъ дусѣ и официально кинула на насъ инкриминацію. Я опять долженъ поднести рѣшительный протестъ противъ такой формы, гдѣ мы подозрѣваемся въ антидержавныхъ и антидинастичныхъ тенденціяхъ. Вы же сами пригадаете себѣ, якъ въ 1890 году, мѣсяць передъ тѣмъ несчастнымъ заявленіемъ (Романчука — ред.), правительственный комисарь заявилъ торжественно, что ни краевое, ни державное правительство никогда, даже на хвилю не сомнѣвалось и не сомнѣвается о нашей лояльности и вѣрности... Есть же у васъ такая легитимация? Перемѣнились же мы въ теченіи одной ночи въ ребелантовъ?

Дѣло то поясняется также въ *Sprawozdaniu Rady szkolnej krajowej* за 1891 годъ. Тамъ находится доказательство, что всѣ краевыя власти согласно противъ насъ выступаютъ. Я позволю себѣ прочитати изъ того *Sprawozdani-a* лишь нѣкоторыя уступы, а вы сами пересвѣдитесь, что такія уступы могутъ насъ болѣти, бо мы никогда того не надѣялись и ничѣмъ себѣ на то не заслужили. На стр. 8 того *Sprawozdani-a* говорится: *Idzie tu o dwie rzeczy, aby te ruskie szkoły postawić i utrzymać na tym samym co reszta szkół naukowym poziomie, oraz ażeby oddalając od nich wszelkie szkodliwe prądy, zachować im szczerzy ruski charakter.* Для tego stara się Rada szkolna przedewszystkiem o to,

ажебы в школах, skupiających в sobie młodzież ruską, uczyli tylko tacy profesorowie, którzy chcą stać на стражу czystości (въ польскомъ понятіи — ред.) języка ruskiego i władając nią poprawnie, mogą go dalej rozwijać i kształcić. Изъ тѣхъ словъ рады школьной слѣдуетъ заключати, що есть учителя, которыи не стоятъ вѣрно на стражѣ чистоты своего родного языка (Голосъ: Są tacy!) Прошу, то належить до насъ! Розвитіе народного языка запоручено державными законами намъ, а не чужимъ. (Голосы: Tak?) А если такъ есть, то прошу сдѣлати донесеніе, вызвати процесъ или слѣдство, що мы измѣнники державы и т. д.

Я училъ русскаго языка 25 лѣтъ, а потому, такъ якъ не было ручательства, менѣ отнята была наука того языка и то мене болять! (Читаеть): Na ich pomocy opiera się też Rada szkolna w opracowaniu książek szkolnych ruskich. Mają te książki podwójną wagę, bo gdy literatura naukowa ruska jeszcze się nie rozwinęła, książki szkolne przyczyniają się najwięcej do wyrobienia literackiego języka, naukowej terminologii i są najskuteczniejszym środkiem przeciw próbom skażenia języka. (Sic!)... Książki, opracowane przez profesorów-rusinów (очевидно по указаніямъ рады школьной. — ред.) w szczerze ruskim duchu и прч. Но судъ о томъ належить до насъ, а не до рады школьной!

А вѣдь же то Sprawozdanie есть актомъ офіціальнымъ. (Голосы: W publikacyach!) А годится же въ того рода публикаціяхъ такъ писати? То фантазія! (Читаеть дальше):... i zgodnie z historyczną prawdą. А вѣдь же исто-

рическою правдою есть также наша правопись, которую хотите нарушить! (Читаетъ дальше): Mianowicie książki te powinny młodzież ruską uzbroić skutecznie przeciw narzucanym społeczeństwu ruskiemu z zewnątrz, a wrogim jego samoistności prądom. То опять обвинение насъ въ измѣнѣ Австрiи. Вѣдь же то простая денунціяція! (Читаетъ дальше):... i że w tych warunkach staje się ono zaporą przeciw tendencyom szkodliwym zarówno dla monarchii jak i dla kraju. И опять Hochverrath противъ края!

И выдѣль краевый пишетъ, що мы опасны для державы, а именно наши славянскiи буквы. Если такое поступованье признаете честнымъ, то о политической нравственности не можетъ быть даже дискуси. Я заявляю, що насъ то болитъ, и мы хотимъ, дабы того дальше не было, бо мы крѣпко стоимъ на законахъ и будемъ себе защищати. Есть у насъ державныи трибуналы и хотя бы министерство рѣшило, то мы еще не признаемъ справу проигранною. Повторяю еще разъ: Es wird dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen.

Я сказала уже, що поднесу кривды нашихъ селянъ, именно же представлю тутъ: якъ почитаются ихъ права, именно же личная свобода. Наведу нѣкоторые уступы изъ газетъ, щобы вы знали, що наши жалобы имѣютъ за собою полное основанiе. Не хочу уже упоминати о томъ, що староства грозили священникамъ за то, що роспространяли тверезость. То можно было сдѣлати въ тайнѣ, однако официальный актъ въ того рода дѣлахъ не можетъ

подобатися селянамъ, стараючимся при помощи тверезости и трудолюбія достигнути добробыта. Давнѣйше того рода фактъ случился въ тернопольскомъ, а теперь въ бохенскомъ повѣтѣ. Есть то факты, о которыхъ упоминаю лишь мимоходомъ, а приступаю до другихъ.

Въ окрестности Золочева живетъ селянинъ Михаилъ Баландюкъ, занимающійся домашнимъ промысломъ. Изготавливаетъ онъ церковныя ризы, продаетъ ихъ и живетъ изъ того. При томъ Баландюкъ читаетъ посѣщающимъ его селянамъ книжки и газеты и то вѣрняютъ ему яко великое злочинство. Вотъ що пишетъ въ газетѣ „Русское Слово“ тотъ самъ Баландюкъ:

Гр. Стан. Бадени: Му то „Słowo“ znamy!
 Дръ Антоневичъ (читаетъ): „Въ минувшомъ году жилъ я въ Ляцкомъ великомъ, но отъ поры пріѣзда теперѣшняго г. старосты Родера, не было одной недѣли, щобы, Богъ вѣсть по какой причинѣ, я не былъ вызванъ передъ него, а нѣсколько разовъ и затворенъ въ арестъ. При каждомъ терминѣ былъ я трактованъ словами: „Москалю, бунтовнику, такъ длуго бенденъ ценъ дусиль, допуки ми сенъ зъ Ляцкего не встомпишь!“ Наскучилося мнѣ то наибольше для того, що я бѣдный человекъ, у мене ни кута, ни кусочка земли, лишь изъ тяжкого труда удержуюсь. Тожь думаячи, що буде супокоей, опустиль я Ляцкое и переселился о милю, въ село Ольшаницу. Но и тутъ селяне начали сходитись вечерами до мене и я имъ читаль, толковаль, а коли о томъ довѣдался г. староста, началъ

снова менѣ грозити: „Я ценѣ научень!“ и довершилъ своего постановленья въ весьма прикрый для мене способъ. Я выробляю ручно нѣкоторыи меньшии ризы церковныи. Поживши собѣ гроша на матеріаль, я въ голодѣ и холодѣ трудился 4 мѣсяцы и на 14 дней передѣ Пасхою, въ цѣли продажи моей работы, выбрался я въ дорогу. Не много я продалъ, и 10 н. ст. апрѣля прійшоль я въ село Плуговъ, гдѣ на другій день арестоваль мене жандармъ и отставиль въ ц. к. староство въ Золочевѣ. Тутъ г. староста повиталь мене словами: „А цо, москалю, пшишла криска на Матуса?“. Казаль мене отвести въ арестъ, все отъ мене отобраль, именно вещей, которыи я имѣлъ до продажи, въ цѣнѣ 130 зр., дальше 41 зр. готовкою и карманныи часы. Просидѣлъ я 4 дни въ арестѣ и четвертого дня, въ Страстный Четвергъ по-полудни, былъ я воззванъ снова передѣ лице г. старосты, который заявиль мнѣ: „Робота конфискуе сень, бо тобѣ робиць того не вольно и не важъ сень, бо и въ дому настомпи конфиската. Пеньондзе зостанонъ яко кара за домокронжство, а зегарекъ сень звраца.“ Я просиль со слезами, що если менѣ все забрано, то не имѣю чѣмъ ни одного дня жити. Тогда г. староста свернуль 16 зр., а 25 осталоса яко кара. Дальше я заявиль, що на той работѣ тяжити долгъ, и що я тѣмъ способомъ, що все у мене забрано, принужденъ другихъ людей кривдити. На то получилъ я отвѣтъ: „А цо мьень то обходзи? Я ценѣ такъ здущень, же мушень сень цебе позбыць зъ злочовского повяту.“

Если такое brutальное поступованье для васъ равнодушное, то нѣтъ що дальше говорити. Но слѣдовало бы имѣти взглядъ также и на домашній промыслъ и бѣднаго человѣка, живущаго изъ ручнаго труда, такъ не трактовати. Можно было ему сказати : *Wolno ci robić, lecz płac podatki*, однако не такъ самовольно и по варварски забирати ему все! Якимъ правомъ приходитъ староста арестовати особы, если арестованье позволено предприняти лишь на основаніи правосильнаго судебного рѣшенія? Если позднѣйше намѣстничество велѣло Баландюку вернути забранныя вещи, то есть то доказательствомъ, що староста поступилъ незаконно. Еще меньше можно старостѣ, который, быти можетъ есть полякомъ *von Draussen*, въ такъ варварскій способъ оскорбляти жителя конституційной державы, который живетъ тутъ изъ дѣда-прадѣда и хочетъ себѣ на кусокъ хлѣба честно заробити. А що же Баландюкъ виненъ, що до него сходилися люди, а онъ читалъ имъ книжки, которые вѣдь не были запрещены? Вѣдь же у насъ есть еще обязующіи законы, которые не позволяютъ людей дусити. Не представляется ли тутъ староста яко эмиграційный агентъ, принуждающій селянъ оставляти свое село и свой повѣтъ?

Гр. Стан. Бадени: Тасу (которые читаютъ русскіи книжки — ред.) *niech emigruja, i owszem!*

Д-ръ Антоневиць: Вотъ вамъ христіанская добродѣтель! Но мы знаемъ, що законъ запрещаетъ принуждати къ выселенію

и арестовати безъ судебного рѣшенія, а дальше говорится въ томъ же законѣ, що урядникъ можетъ быти каранный даже до трехъ мѣсяцей ареста за такого рода самовольныи продѣлки.

Подобныхъ фактовъ о незаконныхъ арестованіяхъ я могъ бы навести много и то не меньше замѣчательныхъ якъ только-що наведенный. Циничнымъ смѣхомъ не годится ихъ принимати!

Въ основныхъ державныхъ законахъ изъ 1867 года выразительно говорится: „Свобода переселенія особы и имѣнія въ предѣлахъ державы не подвергается ніякому ограниченію“, а селяне Кухарскій, Ляховичъ, Захарчукъ и Немировскій были арестованы въ Бродахъ на простый приказъ староства. И не есть ли то самоволя? Соглашается ли такое поведеніе староства съ основными державными законами?

Я могъ бы навести — продолжалъ въ своей рѣчи пос. д-ръ Антоновичъ — множество случаевъ, що самовольно арестовано людей, и то безъ причины, безъ всякого основанія. Самоволя вообще написана на вашемъ прапорѣ! На пр. не подобалась староству вотъ такая невинная справа, которую чей-же нелояльною назвати не можно: Между Лядекиммъ и Ольшаницею есть горбокъ, на которомъ селяне праздновали память снесенія панщины въ минувшомъ году, и хотѣли праздновати теперь, въ текущомъ году. Въ томъ чей-же нѣтъ ничего злого, ничего недозволенного. Между-тѣмъ въ текущомъ году жандармы и

финансовыи стражники осадили тотъ горбокъ якъ-бы якую крѣпость, фортецу, и не позволили селянамъ забавлятися. Есть то секатура, не имѣющая наименьшого основанія.

Въ бродскомъ округѣ арестовано самовольно селянъ Ляховича, Немировского, Кухарского, Захарчука и другихъ, и то не въ силу судебного приговора, а на основаніи простой самоволи староства. И чи не причиняется то до эмиграціи, если такъ мальтретуютъ народъ? А чей же свобода у насъ запоручена. Въ основныхъ державныхъ законахъ сказано (читаетъ): „Свобода выходства ограничена со стороны державы только въ войсковыхъ взглядахъ“ — то значить: запрещено эмигрировать тѣмъ, которые имѣютъ исполнити воинскую повинность. Но между арестованными въ Бродскомъ были люди уже старшіи; не вольно было ихъ задержовати. Нехай бы себѣ были ишли, если получили паспортъ не лишь отъ староства, но даже нынѣ отъ генерального референта бюджета. (Веселость.)

Арт. VIII основныхъ законовъ державныхъ гласить (читаетъ): „Личная свобода запоручена; каждое противозаконное задержанье или продолжительное арестованье обязуетъ державу вынагородити потерпѣвшого.“ То довольно ясно, що если правительственныи органы арестуютъ кого невинно, то правительство должно свернути шкodu, якую понесъ арестованный. Но чи сталося такъ, якъ требуетъ законъ?

§. 2 закона отъ 27 октября 1862 г. (а сей законъ принять въ составъ основныхъ

законовъ!) говоритъ (читаетъ): „Арестованье лица можетъ наступити только въ силу умышленнаго судейскаго приказа.“ А гдѣ же тутъ былъ приказъ суда? То была просто самоволя старосты!

Въ законѣ сказано дальше (читаетъ): „Каждое приведеннымъ условіямъ противящееся и при исполненіи службы предпринятое ограниченье личной свободы трактуется яко проступокъ и карается арестомъ... даже до трехъ мѣсяцевъ.“ Значитъ, що урядникъ за такую самоволю долженъ подлягати аресту даже до трехъ мѣсяцевъ. Но пытаюся, чи который изъ самовольно арестующихъ урядниковъ былъ у насъ уже каранъ? Ну, такую самоволею трудно кого позыскати, а легко лишь возмутити спокойныхъ гражданъ.

Самовольно накидается также людямъ „Народная Часопись“ и органы правительства требуютъ за ню платы подъ грозьюо экзекуціи.

Що самовольныи арестованья у насъ на дневномъ порядку, о томъ извѣстно изъ всѣхъ газетъ. Даже редакторъ одной независимой русской газеты былъ арестованъ, а когда жаловался на то передъ однимъ весьма высокимъ урядникомъ (намѣстникомъ — ред.) было ему сказано: *Kiedyś Pan niezadowolony, to możesz się wypieść.* Конецъ-концовъ намѣстникъ призналъ, що поступованье урядника Герговица, который того редактора арестоваль, не было законнымъ и обѣщаль, що наступитъ кара. И кара такая на того урядника наступила, но фѣ формѣ аванса. (Веселость.)

Не первый то впрочемъ случай, що урядника, на котораго жалуются русины, авансуютъ.

Я думаю, що въ виду себе должны мы держатися христіанской науки: „Не дѣлай ближнему твоему того, що тебѣ немило.“ Не-разъ уже говорилось тутъ, а даже въ польскихъ газетахъ подносилось, що опека правительства при выборахъ за-надто великая. А мы хотѣли бы, чтобы обыватели державы вполне корыстали изъ своихъ правъ и выбирали того, кого себѣ желаютъ. Но есть люди, которые говорятъ, що такая опека со-вѣмъ природна. Доведетъ ли то до добра? Нашъ селянинъ понимаетъ нынѣ свои права, а чѣмъ больше онъ образованъ, тѣмъ болестнѣйше чувствуетъ кривду, якую ему дѣлаетъ краевое правительство. Своимъ вмѣшательствомъ до выборовъ правительственныи органы подрываютъ въ народѣ честь для державы, пова-гу для правительства. Я предчувствую, що незадолго позднѣйше скажете, що русины нелояльны. Но кто будетъ тому виненъ? Тотъ, кто ихъ въ томъ душъ воспиталъ. То ясно. И уже по той причинѣ державныи органы должны бы трактовати русиновъ больше гуманно, а не такъ по вар-варски, якъ до теперь.

Есть извѣстіе въ газетахъ, що арестуютъ въ Бродахъ и окрестности тѣхъ, которые от-правляются на богомоліе въ Почаевъ. При-знаю, що можно быти противнымъ тому; имен-но духовныи органы должны бы нравственно вліяти, чтобы народъ туда не ходилъ. Но по-

лиційными средствами противодѣйствовать, арестовати и не дозволяти даже рекурсовати — то вѣдь неправильность. Староста велитъ 14 дней отсидѣти и на томъ конецъ. Согласно ли то съ нашими порядками? Вѣдь если дѣло эмиграціи столь важное и такъ насъ всѣхъ обезпокоиваетъ, то мы не должны такового вызывати; бо кто знаетъ, не эмигрируютъ ли наши люди изъ-за того рода причинъ. Тѣмъ, що селяне идутъ въ Почаевъ, не объявляютъ они нелояльности. Дѣлаютъ они то по привычѣ: туда ходилъ его дѣдъ и прадѣдъ. Весьма часто они дѣлаютъ обѣтъ посѣтити Почаевъ, подобно якъ многіи дѣлаютъ обѣтъ посѣтити Ченстохову. Въ томъ не вижу ничего противузаконного. Якъ же можно требовати, чтобы селянину были извѣстны догматическіи тонкости? Всякій признастъ, що въ томъ случаѣ отвѣтнѣйшимъ было бы нравственное вліяніе, такъ якъ полиційны мѣры лишъ раздражаютъ, относительныи же чиновники теряютъ свой авторитетъ, бо вѣдь селянинъ знаетъ, що ему свободно эмигровати. Живемъ же мы въ конституціонной державѣ, въ которой также и свобода вѣроисповѣданія обезпечена? Недавно извѣстили русскіи газеты, що 30 почаевскихъ богомольцевъ приговорило староство въ Бродахъ къ 14-дневному аресту и не позволило имъ даже рекурсовати.

Дня 18 августа, т. е. въ день рожденія нашего монарха и торжественного праздника Преображенія, были воззваны два селяне изъ Пониковицы, бродского повѣта, на терминъ. Между тѣмъ неоднократно намъ обѣщали не оскорбляти нашихъ праздниковъ; на то есть

даже распорядженья. Однако все общается лишь тогда, если нужно.

Жаловались мы уже не раз и доказывали, что великимъ бѣдствіемъ для селянства является то обстоятельство, что протегуются повѣт. выдѣлами и всякими властями войты несовѣтныи, но хорошіи агитаторы. Такихъ протегуютъ, даже цѣлуютъ высокопоставленныи лица; войтъ же, числа на протекцію, дѣлаютъ, что ему захочется. Есть множество фактовъ, что громады жаловались повѣт. выдѣламъ, староствамъ и судамъ, даже выдѣлу краевому, однако не нашли справедливости. Позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько того рода фактовъ и просити, чтобы они въ будущности не повторялись. Типомъ войта-агитатора есть на пр. Лаврентій Рунь въ Бѣлокерницѣ. Громада жалуется на него уже отъ нѣсколькихъ лѣтъ повсюду, но безуспѣшно. Наконецъ рѣшилъ повѣт. выдѣлъ выслати комисію и перевести дисциплинарное слѣдство, которое поручено о. Левицкому, члену повѣт. выдѣла въ Подгайцахъ. О. Левицкій перевелъ совѣстно слѣдство, далъ отчетъ о таковомъ въ засѣданіи выдѣла и требовалъ, чтобы выдѣлъ суспендовалъ названнаго войта. Другіи членъ выдѣла, извѣстный пралать кс. Кершка, стануль въ защитѣ своего друга войта и предложеніе о. Левицкого перепало. Только позднѣйше, дня 1 марта, показалось, что упомянутого войта арестовалъ жандармъ, такъ якъ доказано, что онъ отъ долшого времени разбиваетъ и грабитъ коморы тѣхъ, для блага которыхъ онъ избранъ начальникомъ громады. Вотъ типъ протегованнаго войта, хорошаго

агитатора! Странно, що сегодня тотъ членъ пов. выдѣла, который протеговалъ названнаго войта, увѣряеть, будто о. Левицкій виноватъ, що не суспендовано войта. Подобный войтъ есть также въ громадѣ Затуринъ, Василій Борыславскій.

Того рода исторіи у насъ не новость, но дѣется сегодня и такое, що до сихъ поръ не дѣялось. Давнѣйше по крайней мѣрѣ громадскіи выборы отбывалися безъ жандармской асистенціи и безъ комисаровъ изъ староства. Сегодня отбываются таковыи не лишь при асистенціи жандармовъ, но—що печально — велятъ себѣ за то еще платити. Если у громады нѣтъ грошей, и въ бюджетѣ нѣтъ такой позиціи, то войтъ переводить репартицію, наибольше чувствительную для бѣдныхъ „халупниковъ“. То вѣдь также можетъ служить поводомъ до эмиграціи, а знаемъ, що не мало „халупниковъ“ эмигриуеть. Но на томъ не конецъ; происходятъ еще другого рода самоволи. Въ Плуговѣ, золочевского повѣта, (зри „Гал. Русь“ н-ръ 191), отставлено насильственно кандидата на войта, Мих. Гундяка, въ староство, именно въ день выбора войта, очевидно для того, бо онъ не былъ persona grata. Фактъ тотъ свидѣтельствуеть о самоволѣ, которой нѣтъ въ другихъ коронныхъ краяхъ. А не было потреби хвататись тѣхъ мѣръ, если его сейчасъ пушено на свободу. Но все-таки онъ не участвовалъ въ выборѣ войта, не былъ выбранъ яко стоящій подѣ клеймомъ подозрѣнія, однимъ словомъ: цѣль была достигнута. То самоволя, которая не должна имѣти мѣста. Такъ якъ въ повѣтѣ есть

сто и нѣсколькочдесять громадъ и каждой громадѣ придется платити на выборъ громадской рады и войта около 20 зр., то новый тотъ податокъ на громады въ одномъ повѣтѣ вынесеть около 3.000 зр. Если староство хочеть, нехай собственнымъ коштомъ высылаеть делегата,—нехай однако не обдираеть громады. Такъ дѣется не лишь въ золочевскомъ, но и въ коломыйскомъ, коссовскомъ и другихъ повѣтахъ.

Недавно подносили въ газетахъ, що въ Уторопахъ на выборъ войта прѣхалъ комисарь съ двома жандармами. Прибывши въ громадскую канцелярiю, велѣли они оттуда всѣмъ раднымъ удалитись. Радный священникъ, старшій челоуѣкъ, просилъ о соизволеніе оставитись въ комнатѣ. Но комисарь и жандармъ не позволили. Только послѣ комисарь или, быти можетъ, кто нибудь другій организовалъ или именовалъ выборый комитетъ и призывалъ избирателей по одному къ голосованью. До сихъ поръ то не практиковалось. Если кто не хотѣлъ голосовати такъ, якъ того желалъ себѣ комисарь, то происходили розличны самоволи и цѣль была достигена: выбрано войта, якого староство хотѣло. Извѣстіе о томъ почеркнуто мною изъ двохъ газетъ, и я долженъ принять тѣковое яко истинное.

Того рода фактовъ есть множество, и изъ нихъ прихожу къ заключенію, що наши селяне и громады не особенно счастливы и довольны подъ такою системою; я желалъ бы себѣ, щобы они были лучше трактованы, а не требую никогда милости, лишь справе-

дливости. Быти можетъ, що есть другіи причины тѣхъ злоупотребленій, однако Такой одинъ или другій староста дѣлаеть то въ собственномъ интересѣ, голосна бо то тайна, що, когда придуть выборы и съ горы надоспѣеть указъ, окончивающійся формулкою: *przeczytać i zgłosić* — тогда тотъ бѣдный староста долженъ накладати головою, щобы перефорсовати кандидата, опредѣленного свыше. Для того хочеть онъ имѣти войтовъ, которые на команду старосты выборъ такого кандидата способны перефорсовати. Мы того рода поведеніемъ недовольны, но и вы въ непродолжительномъ времени перестанете быти довольны: выборы бо выйдуть по мысли правительства и тутъ засядуть *Parade-Ruthenen*, которые будутъ сидѣти, кивати головами и лизати руки, но—правительству, не вамъ... Поправятся ли тогда наши отношенія — сомнѣваюсь. Сегодня вы счастливы, но якъ завтра будетъ — Богъ вѣсть! Чей же не знаете вѣрно, станется ли все, чего хочете. Если завтра смѣнится состояніе вещей, если завтра закомандуютъ иначе, то тѣ *Parade-Ruthenen* не будутъ такъ голосовати якъ сегодня, лишь такъ, якъ захочуть тѣ, которые ихъ выбрали. Обращаю ваше вниманіе на то, щобы въ будущности не дѣялось такъ, якъ теперь, щобы вы придерживались христіанскаго принципа: „Не дѣлай ближнему, що тебѣ не мило“.

Еще нѣсколько словъ принужденъ я сказати тѣмъ больше, що вы, гг., обѣщали мене выслухати. У насъ есть причина быти недо-

вольными якъ автономією, такъ и господарскою краевого выдѣла. Порядокъ требуетъ, чтобы начинати отъ головы, для того свертаюсъ къ дост. князю-маршалу съ однимъ жалемъ. Въ первомъ засѣданіи теперѣшней сесіи были мы привитаны вправдѣ въ нашемъ языкѣ, но словами, которыи насъ глубоко уразили, словами, призывающими насъ до вѣрности правительству, коронѣ, церкви и державѣ. Чи дѣйствительно провинились мы на столько, чтобы того рода упоминіе было нужнымъ? Изъ того заключаю, що существуетъ планъ, чтобы насъ представить невѣрными, и намѣреніе то встрѣчается повсюду, виситъ — якъ говорится — въ воздухѣ. Постарайтесь прото, гг., чтобы въ судовой дорозѣ доказати намъ невѣрность, но безъ основаній дѣлати намъ такой упрекъ — то болестно, тѣмъ больше, що слова тѣ вышли изъ устъ мужа, которого мы не лишь уважали, но и любили.

Наша исторія, именно отъ поры, когда мы перешли подъ австрійское владѣніе, не знаетъ ни одного факта, который давалъ бы кому нибудь право закидати намъ невѣрность. У насъ нѣтъ такихъ годовъ и фактовъ, якъ у нѣкоторыхъ другихъ народовъ въ Австріи; мы никогда не выступали противъ Австріи съ оружіемъ въ рукахъ; напротивъ, наши предки проливали кровь за державу. Даже новѣйшіи событія не доказали и не докажутъ, якобы наша рука была виновата въ такихъ дѣлахъ, якъ извѣстная манифестація въ Бродахъ (Гоптанье

австрійского прапора польскими „соколами“ — ред.), якъ тучапская афера, емиграція и т. д. Специально що-до емиграціи, то отъ ней оттягають народъ наши священники и мірскіи люди.

Если ходить о вѣрность для церкви, то мы приняли бы уже науку отъ нашихъ архипастырей. Но именно тутъ, три лѣта тому назадъ, преосв. Юліанъ, нынѣ епископъ перемышльскій, заявилъ рѣшительно, що среди народа не нашолъ невѣрныхъ. И то не подлежитъ сомнѣнію, що вѣра наша сильнѣйша, нежели у многихъ другихъ, которые имѣють католицизмъ на языкѣ, а не въ сердцѣ.

Также и въ иномъ взглядѣ есть у насъ рачія нарѣкати. Сумный фактъ и печальный стоитъ мнѣ передъ очами, а именно поведеніе выдѣла краевого въ вопросѣ о фонетицѣ, хотя выдѣлъ не имѣлъ до того наименьшой компетенціи. Надѣюсь, що онъ направитъ то зло, которое сдѣлалъ.

Еще и другіи дѣла имѣлъ бы я поднести, якъ именно, що наши краевыи законы не конечно опекуются громадскими дѣлами тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Возьмите на пр. справу, которая была тутъ поднесена, що даже наши господарскіи школы бесполезны для селянъ. Вообще, взявши бюджетъ, можно при совѣстномъ обчисленіи пересвѣдчитись, що краевыи расходы идутъ переважно не на селянъ. А оно чей-же ясно, що селяне платятъ наибольше податковъ. Между-тѣмъ даже такіи sprawy, которые соймъ уже рѣшилъ, не были переведены, если

дотыкали селянства. Есть прото у насъ всякая причина быти недовольными.

Не хочу теряти много времени, но поднесу то, що въ 20 засѣданіи отъ 5 апрѣля с. г. я самъ поставилъ резолюціи, которыи были соймомъ благосклонно приняты. Ходило о то, чтобы поддержати домашній промыслъ. Генеральнымъ референтомъ былъ пчт. посоль Хшановскій и тогда позволилъ я себѣ на основаніи поученія отъ людей, знающихъ дѣло, внести такую резолюцію (читаетъ): *Wysoki Sejm raczy uchwalić: Poleca się Wydziałowi krajowemu, aby zwołał ankietę w celu obmyślenia sposobów odpowiedniego zajęcia włościan i małomieszczan w miesiącach zimowych, kiedy wolni są od pracy zawodowej i siedzą prawie bezczynnie.* Резолюція та, якъ сказано, была принята соймомъ, и выдѣлъ краевый долженъ былъ заняться дѣломъ, бо именно времена тяжкіи, а селянинъ могъ бы познати, що начинаютъ опековатись нимъ добросовѣстно. Между тѣмъ были созваны другіи анкеты, но такой анкеты, на якую согласился соймъ вслѣдствіе моего предложенія, не было. Быти можетъ, що не было на то времени, но я надѣюсь, що справа будетъ еще трактована и то тепло и успѣшно.

Кромѣ того поставилъ я слѣдующую резолюцію, принятую также соймомъ (читаетъ): *Wysoki Sejm raczy uchwalić: Wzywa się c. k. Rząd, 1) aby nie stawiał żadnych przeszkód włościanom i małomieszczanom w prowadzeniu przemysłu domowego, lecz przeciwnie wszelkimi możliwymi sposobami przemysł domowy wspierał.* И тутъ, мм. гг., если бы выдѣлъ краевый по-

скорилъ былъ съ рѣшеніемъ сойма, не было бы вѣроятно дошло до того, що золочевскій староста такъ тяжко и незаконно скривдиль Баландюка. (Читаеть): 2) Aby pouczył stowarzyszenia przemysłowe o rozporządzeniu ministeryalnem z dnia 16 września 1883 r. L. 28 701 i tym stowarzyszeniom zabronił czynić włościanom i małomieszczanom, zajmującym się przemysłem domowym, jakiekolwiek przeszkody, mianowicie żądaniem składek do kasy stowarzyszenia rękodzielników; 3) aby c. k. Rząd osobnym okólnikiem powiadomił gminy i miasteczka o wolności prowadzenia przemysłu domowego w myśl wskazanego rozporządzenia ministeryalnego; 4) aby c. k. władze skarbowe w myśl rozporządzenia c. k. krajowej dyrekcji skarbu z dnia 20 lipca 1887 r. L. 25.587 nie nakładały na ludzi, trudniących się przemysłem domowym, podatku zarobkowego od tego przemysłu.

Дабы васъ, мм. гг., пересвѣдчити, що приведенны резолюціи были приняты, прочитаю еще слова впреосв. митрополита, заступника маршала, который въ томъ предметѣ сказалъ (читаеть): Co do rezolucyj p. Antoniewicza to wnioskodawca stawia wniosek, aby rezolucye te odesłane zostały do Wydziału krajowego. Kto się zgadza z tym wnioskiem, raczy rękę podnieść. (Większość.) Wniosek jest przyjęty.

Есть у мене еще два факты, вправдѣ не столь важны, но все-таки замѣчательны и доказующи, що примѣръ находитъ послѣдователей. „Народный Домъ“ предъявилъ евое дѣло шо-до оподаткованья ц. к. администраціи податковъ; написаль, розумѣется, по русски, бо такъ онъ урядуетъ. Между тѣмъ нашолся та-

кій чиновникъ, который не хотѣлъ остатись по заду намѣстничества и краевого выдѣла, и перенявшись филологоманією, отписалъ такъ по польски: L. 11.263. Zwraca się Szanownemu Zarządowi „Narodnego Domu“ we Lwowie z wezwaniem, by swoje żądanie przedstawił bądź w jednym z języków krajowych, bądź w języku niemieckim, gdyż c. k. Administracya podatków może jedynie pisma w takich językach sporządzone brać za podstawę do swojego urzędowania.

Не удивительно, що дѣются и такіи двогляды: Найвысшій трибуналь издалъ 23 декаб ря 1891 г. н-рѣ 13.530 рѣшеніе русскими буквами и этимологією. Апелация во Львовѣ поправила трибуналь и переписала его рѣшеніе фонетикою, а судъ въ Угновѣ, рѣшеніемъ отъ 21 января 1892 г. н-рѣ 1573, поправиль и трибуналь и апелацию и составилъ ихъ рѣшенія польскимъ абецадломъ. Та филологоманія довела къ тому, що и языкъ тотъ и письмо не признаются русскими.

Що-до другого факта, то я хотѣлъ таковой внести яко отдѣльную интерпеляцію, но, видя, що сесія будетъ короткая, отступиль я отъ того намѣренія и прошу лишь, чтобы правительство, взглядно выдѣлъ краевой взяли относительную громаду въ свою защиту, трактовали тотъ фактъ яко формальную интерпеляцію и довели дѣло до конца. Есть то дѣло протегованного войта; позволю себѣ прочитати относительное письмо, которое гласить: „Громада Слобода, бережанского повѣта, внесла еще въ 1887 г. въ повѣтовую раду въ Бережанахъ (н-ры 684 и 877) жалобу противъ начальника громады Илька Ман-

дѣля, що тотъ же начальникъ громады розоряетъ громадское имѣніе, дефравдовалъ громадскіи и податковыи гроши, запропастилъ позничковую касу и громадскій шпихлѣръ, пьянствуетъ и деморализуетъ народъ — и просила повѣт. выдѣль о предпріятіе отвѣтныхъ мѣръ. Жалобу свою повторяла громада нѣсколькократно, но когда пов. выдѣль на все то былъ глухій, обращалась громада, и то нѣсколькократно, съ тою самою жалобою въ краевый выдѣль. О сколько извѣстно, краев. выдѣль взывалъ нѣсколькократно повѣт. выдѣль, чтобы перевелъ провѣрку громадскихъ счетовъ въ Слободѣ и далъ о томъ отчетъ. Минаетъ 6 лѣтъ, а пов. выдѣль не отвѣтилъ ничего. Въ виду того позволяю себѣ заинтересовати краевый выдѣль: щѣ съ тѣмъ дѣломъ дѣется и рѣшился ли краев. выдѣль ту печальную справу уже разъ довести до конца, а то тѣмъ больше, що новеля, ухваленная соймомъ и санкціонованная, признаетъ явно ингеренцію краев. выдѣлу надъ дѣловодствомъ повѣтового выдѣла.“ Я спрашивалъ въ краевомъ выдѣлѣ, щѣ дѣется съ тою справою. По долгихъ короводахъ доведено къ тому, що войта засуспендовано. Была прото причина къ суспензіи, но провѣрка касы до сихъ поръ не переведена. Наконецъ громадѣ было свободно избрати нового войта и она выбрала. Но тутъ новыи хлопоты: староста не хотѣлъ войта заприсягнути и ввести въ урядованье. Идетъ новый войтъ къ старостѣ, но тотъ послѣдній заявляетъ, що такая формальность не нужна, бо и такъ будутъ въ непродолжительномъ времени новыи выборы. Между тѣмъ въ гро-

мадѣ люди смѣются изъ новаго войта и не хотятъ его слухати. Но прошу послухати дальше (читаетъ): „Противъ того выбора внесли три мальконтенты протестъ въ староство въ Бережанахъ, въ намѣстничество и въ министерство. Во всѣхъ трехъ инстанціяхъ выборъ былъ подтвержденъ, но не смотря на то староство въ Бережанахъ не заприсягнуло нововыбраннаго начальника громады, мотивуя свое поведеніе тѣмъ, що въ упомянутой громадѣ имѣють отбытись новыи выборы и цѣлое дѣло есть безпредметовымъ. Громадскій законъ не предвидѣлъ такого поведенія старосты, но тѣмъ поведеніемъ укоротило староство гражданскіи права нововыбраннаго начальника громады Федька Богая и выставило его на посмѣховище въ громадѣ. Интерпелую ц. к. краевое правительство: знаетъ ли оно о томъ и одобряетъ ли поведеніе староства въ Бережанахъ.“ Но вѣдь и одного дня не должна громада быти безъ войта. Я спрашивалъ референта въ краев. выдѣлѣ, а онъ заявилъ, що не имѣетъ ингеренціи. Я противнаго мнѣнія: вѣдь мы рѣшили новелю, которая даетъ ему ингеренцію.

Якъ видите, гг., поднесенныи примѣчанія и неопровержимыи факты есть того рода, що мы можемъ и имѣемъ право нарѣкати. Предполагаю однако, що и тѣ, къ которымъ внесли мы наши петиціи, желанія и жалобы, должны имѣти разъ уже сознаніе справедливости и надѣюсь, що въ слѣдующей сесіи не буду принужденъ охрипнути отъ долшой рѣчи. Кончу, хотя въ моей тецѣ находится еще

довольно много цвѣтовъ для составленія подобнаго рода китицы. (С л а в н о !)

Рѣчь посла д-ря Мих. Короля.

Заявляю съ горы, що я недоволенъ теперѣшною ситуацію, бо узнаю, що поступованье правительства въ виду русиновъ на полѣ политичномъ не смѣнилось ни на іоту, що правительство и на дальше примѣняетъ до насъ ту самую систему, якую отъ долгихъ лѣтъ до насъ примѣняло, що права русскаго народа дознають того самого покривженья, якъ и давнѣйше, и я не вижу той смѣны, якої мы имѣли право надѣяться по памятномъ днѣ 25 ноября 1890 г. Смѣна проявилась подѣ взглядомъ политичнымъ лишь въ однихъ словахъ представителя короны; по-за словами однако осталось все по старому и я не ошибнусь, если скажу, що на политичномъ полѣ наше положеніе еще погоршилося.

Дабы не встрѣтитись съ замѣтомъ, що я несправедливый, що не хочу признати того, що правительство въ послѣднихъ двоухъ лѣтахъ для русиновъ сдѣлало, — скажу, що признаю, що яка-то смѣна наступила, однако лишь ни полѣ школьныхъ дѣлъ, хотя и тутъ не сталося такъ, якъ статися было должно, и тутъ смѣна та во многомъ не отвѣтила нашимъ интенціямъ. А мы чей же вели себе цѣлое то время дояльно и спокойно, выжидали смѣны ситуаціи, однако до нынѣ мы той смѣны не видимъ, ибо правительство не смѣнило си-

стемы, а о смѣну головно намъ росходилося.

Я слѣдилъ прильжно за ходомъ русскихъ дѣлъ въ послѣдніи два лѣта, а слѣдячи за тѣмъ пришолъ, на жаль, до пересвѣдченья, що мнѣ акція правительства представляется просто шуткою въ виду русскаго народа. Мнѣ представилось цѣлое дѣло такъ, що правительство думало, що русскій народъ будетъ и на-дальше тихо стояти и спокойно смотрѣти на то, якъ его найсвятѣйшіи права топчутся безкарно; що будетъ равнодушно смотрѣти, якъ правительство, обовязанное русскій народъ, яко слабшій, взяти въ опеку передъ сильнѣйшимъ братомъ, который его дусить, того не сдѣлало; що то правительство снова стануло по сторонѣ сильнѣйшого брата и позволило насъ дальше притѣснати.

У мене нѣтъ жалю до польскаго общества; оно, можетъ быти, тутъ и не завишило, бо я понимаю, що у кого есть власть въ рукахъ, не легко хочеть ю изъ рукъ выпустити, не радо дѣлится тою властію; — но у мене есть жалъ до правительства, которое по такъ торжественныхъ увѣреніяхъ не додержало данныхъ приреченій. Такая игра, кажется, не до лица правительству; такая игра, отъ части и опасна, бо-жь и тотъ народъ, по природѣ спокойный, когда ему бѣда нальется за обшивку, хотя онъ хвилево дремаеть, пробудится, отворить очи и уопомнется о своихъ ривды.

Я належалъ до тѣхъ, которыи по инавгурованью „новой эры“ сохранили безвзглядно выжидающее становище; я ждалъ, бо — сознаюся — у мене была якая-то, хотя бы слабая надежда, що правительство по столь торжественныхъ увѣреніяхъ додержитъ того, що прирекло въ 1890 г., що смѣнить теперѣшнюю систему, що признастъ, що до теперъ кривдило права русскаго народа, що то правительство постарается исправити зло, що поможетъ русскому народу достигнути равноправности, станути на равнѣ съ сильнѣйшимъ своимъ братомъ, съ которымъ онъ живетъ на одной землѣ. Я належалъ до тѣхъ, которыи до теперъ не высказали послѣдняго слова о такъ зовимой „новой эрѣ“; ни тутъ, въ выс. палатѣ, ни нигдѣ по-за соймомъ не выступилъ я явно противъ тѣхъ, которыи заинавгуровали „новую эру“, бо я выжидалъ результатовъ смѣненной ситуаціи, но — не дождался ничего! Я не кинулъ и нынѣ не кидаю каменемъ на тѣхъ русскихъ моихъ товарищей-пословъ, которыи — прошу извинити за выраженіе — дались словити на новую эру, а не кидаю каменемъ для того, бо я пересвѣдченъ, що тѣ люди дѣлали въ наилучшой вѣрѣ, що дѣлаючи такъ, были пересвѣдчены, що тѣмъ способомъ готовить лучшую долю русскому народу, що тѣмъ способомъ удастся имъ достигнути для Руси тѣ права, о якіи тщетно боремся отъ начала эры конституційной, а можетъ быти и отъ эры возрожденія русскаго народа; я не кинулъ каменемъ, бо понимаю, якую жертву тѣ люди принесли, бо-жь они жертвовали всемъ, що

имъ было найдорожшее: своею доброю славою, своимъ добрымъ именемъ, которое приобрѣли себѣ въ борьбѣ о народныя права, тою доброю славою, которую добыли не на рожевыхъ цвѣтахъ, а на тернистой дорогѣ.

Пытаюсь: що же они тамъ зыскали? На политичномъ полѣ не зыскали ничего, лишъ одну деморализацію народа, бо теперь мы имѣемъ до дѣла съ деморализованнымъ народомъ, когда передъ тѣмъ народъ сей удержовано въ карбахъ народной карности.

Такъ то знало сдержати слово правительство, стоящее подъ прапоромъ, на которомъ выписаны золотыя слова: „примиреніе народовъ“. Такъ додержало слова правительство, которое торжественно увѣряло, що стоитъ при максимѣ, що въ Австріи каждый народъ имѣетъ право розвивати народность въ границахъ конституційныхъ! Такъ додержало слова правительство, которое при каждой случайности увѣряетъ насъ о своей приклонности! И то правительство не соромится трактовати насъ и дальше подобно якъ передъ 1890 годомъ.

Нынѣ найвысшее время, щобы мы, русины, розважили нашу ситуацію и дали себѣ отчетъ о томъ, чего намъ ожидать, щобы соединити всѣ наши силы и соединенными силами взятися до труда надъ національнымъ отрожденіемъ нашего народа, бо только тою дорогою будемъ могли добыти наши конституційныя права, которыя до сихъ поръ существуютъ для насъ лишъ на паперѣ.

Пригляньмось теперь хотя поверховно тому, що сталося въ послѣдніи два лѣта, а пересвѣдчимся, що на каждомъ шагу, гдѣ лишь ишло о наши національнии права, встрѣчаемся съ покривженіемъ тѣхъ правъ, съ нарушеніемъ конституціи. Я не буду бавитись въ спеціализованье поодинокихъ фактовъ, бо вычисленье ихъ завело бы насъ за-надто далеко.

Пос. кс. Сава: I owszem, prosimy o fakta!

Д-ръ Король: Я упомяну лишь о нашихъ кривдахъ вообще и поддержку ихъ фактами, о которыхъ знаю изъ опыта, а тогда сами вы, гг., осудите, чи мы можемъ быти довольны нашимъ положеніемъ, чи наши нарѣканья оправданы.

Начну отъ нашихъ кривдъ на полѣ національномъ. Основными законами заповѣдана нашему языку полная свобода и равноправность въ публичной жизни. Въ практицѣ однако равноправность та выгладаетъ совсѣмъ иначе. Всюда пануетъ польскій языкъ, всюда осчастливляютъ насъ языкомъ польскимъ и, якъ давнѣйше, такъ и теперь, въ двохъ послѣднихъ лѣтахъ, мы принуждены боротися о каждую русскую букву, бо всѣ правительственнии уряды безъ изъятія, будь изъ привычки, будь изъ незнанія закона, будь наконецъ изъ злой воли, не хотятъ намъ признати нашего права.

Приведу нѣсколько примѣровъ изъ моего опыта.

Въ минувшомъ году внесъ я до староства въ Жолкви именовъ Василя Ступницкаго изъ Мацошина просьбу на русскомъ языкѣ о выдачу промысловой карты на веденіе крамниці. Поминаю, що первый разъ свернено ту просьбу „для дополненья“, що не было бы сталося, если бы просьба не была составлена на русскомъ языкѣ. Вельли именно выказати, що просящій есть австрійскимъ обывателемъ, хотя тотъ челоувѣкъ былъ членомъ рады громадской и при каждыхъ выборахъ избирателемъ. Я то поминаю. Недостатокъ былъ дополненъ и на вторичную просьбу Ступницкій получилъ промысловую карту, но на польскомъ языкѣ. Пыталъ я въ староствѣ, для чего такъ сталося, и получилъ весьма простой отвѣтъ: *Niema druków ruskich!* Чи такой повиненъ быть отвѣтъ тамъ, гдѣ ходитъ о найсвятѣйшии русскіи національныи права? Чи „друки“ имѣють быть причиною, чтобы намъ на наши поданья отвѣчали по-польски?

Вторый примѣръ: Приходскій урядъ въ Мервичахъ, гдѣ есть священникомъ челоувѣкъ, заслугующій изъ всѣхъ взглядовъ на уваженіе, челоувѣкъ не належачій до партіи „москвофильской“, а до партіи такъ зов. народной, внесъ до староства поданье въ дѣль продажи церковной земли. И що скажете, гг.,— тотъ священникъ получилъ отъ староства отвѣтъ также по-польски.

Но не лишъ политичныи власти, но и суды поступаютъ въ подобный способъ. Я, яко адвокатъ, веду письменный процессъ громады Межирѣчье съ г-жею Винкентією Язвинскою

въ окружномъ судѣ въ Самборѣ, — а веду тотъ процессъ, розумѣется, по-русски. На всѣ однако русскіи поданья получалъ я отвѣты по-юльски. Апеляція подтвердила рѣшенія самборскаго суда, а только въ найвысшемъ трибуналѣ выигралъ я справу, и окружный судъ получилъ приказъ, всѣ свои рѣшенія, якіи издалъ по-польски, доручити мнѣ на языцѣ русскомъ.

Я добился своего права, но чи-жь тѣмъ способомъ боротись намъ о каждую русскую букву, если имѣеть быти рѣчь о равноправности? Мнѣ кажется, що такъ не дойдемъ до цѣли. И пытаюся васъ, гг., якая причина того кривженья русскаго языка? Гдѣ шукати источника, що мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ трудности въ приобрѣтеніи нашихъ національныхъ правъ? Головная причина зла, по моему мнѣнію, — то система, система правительства, которая довела до того, що нынѣ въ правительственныхъ урядахъ восточной Галичины нѣтъ людей, квалификованныхъ до урядованья въ русскомъ языцѣ. Що больше: нынѣ въ урядахъ въ восточной Галичинѣ часто-густо не найдете челоуѣка, который умѣлъ бы по-русски читати, и русское письмо не разъ долго выжидаетъ, закѣмъ явится кто, що знаетъ его перевести.

Якая тому причина? Первая причина — неохота поляковъ до изученія русскаго языка. На жаль, есть еще нынѣ поляки, для которыхъ русская буква солию въ оцѣ, которые хотять и смотрѣти на русскую азбуку.

Вторая причина та, що русскихъ урядниковъ перенесено майже въ цѣлости тамъ на Западъ, гдѣ они никогда не видятъ русскаго письма; мѣсто перенесенныхъ заступлено тутъ, въ восточной Галичинѣ, польскими урядниками, которыя снова русскаго языка и письма не знаютъ и которыя охотно остались бы на Западѣ.

Краевое правительство, пнавгуруючи новую эру и прирекаючи смѣну системы, обѣщало также, що въ будущности не будетъ высылати на Западъ русскихъ людей, що зарекуируетъ изъ Запада тѣхъ русскихъ урядниковъ, которыя тамъ увядають изъ тоски за роднымъ краемъ, що вернетъ намъ то народное сокровище, которое тутъ на нашей землѣ принесло бы намъ пользу. Я не вижу въ томъ взглядѣ ніякого улучшенія: бо-жь не лишъ не свернено намъ нашихъ заточниковъ, но помимо данного приреченья высылаются и дальше русскіи люди на Западъ. Вотъ на пр. и въ текущемъ году перенесены туда два супленты-учители, именно Юліанъ Стефановичъ въ Решовъ и Гамчикевичъ въ Краковъ. Для чего такъ сталося — они сами не знаютъ; сталося то противъ ихъ воли; бо-жь они хотѣли остатися тутъ, въ восточной Галичинѣ, гдѣ бы могли трудитися съ большою пользою для своего народа, а тѣмъ самымъ и съ пользою для края.

Покривженья русскаго языка дознали мы также и при такихъ мелочахъ, якъ написи на публичныхъ будынкахъ. Не говорю уже о давнѣйшихъ будынкахъ, а о тѣхъ, которыя возникли въ двохъ послѣднихъ лѣтахъ.

Кажется мнѣ, що каждый изъ васъ оглядалъ новый судовой будынокъ при улицъ Баторія во Львовѣ. Тамъ, подъ австрійскимъ орломъ, выписано только: *S. k. sad krajowy kagru we Lwowie*. Русской написи нѣтъ. И для чего же позабыли въ данномъ случаѣ о русскомъ народѣ, который въ переважной части живетъ въ восточной Галичинѣ, который, въ значительно большой мѣрѣ чѣмъ поляки потребуеть того судебного дома, который, быти можетъ, большими чѣмъ поляки додатками до податковъ причинилися до постройки того храма справедливости? У насъ чей-же есть право требовати, чтобы на томъ будынку попри польской красовалась также русская напись. Въ текущемъ году отновлено также таблицы съ написями на краевой финансовой дирекціи, а собственно на всѣхъ будынкахъ, гдѣ помѣщалась финансовая дирекція. И що сталося? О русскомъ языкѣ снова забыли! Що больше: когда начальникъ уряда податковой администраціи во Львовѣ, отновляючи старую таблицу, отважился умѣстити также русскую напись, тогда вице-президентъ краевой дирекціи приказаль ту таблицу сняти и заступити одною только польскою, бо, якъ сказалъ, финансовая дирекція не бавится въ политику! Въ мѣс. августѣ с. г. открыто въ Жолкви эраріальный почтовый урядъ, и умѣщено на немъ напись — на соромъ — по-польски и по-нѣмецки. Снова забыли о насъ, которыхъ чей-же въ жолковскомъ повѣтѣ есть выше 70% противъ двадцати и нѣ сколько процентовъ другихъ народ-

ностей, а не забыли о нѣмцахъ, которыхъ въ нашемъ повѣтѣ не больше якъ три сотни.

Погляньмо теперь, мм. гг., що дѣется съ русинами въ политической жизни. Имѣю тутъ на мысли выборы, якіи переводились въ послѣднихъ двохъ лѣтахъ, выборы въ думу державную, рады повѣтовыи и рады громадскіи. Признаю, що часть вины того, що мы при всякихъ выборахъ выходимъ въ меньшинствѣ, лежитъ въ выборowychъ ординаціяхъ; однако съ другой стороны у мене есть право домогаться, щобы правительство почитало тѣ ординаціи и стояло на стражѣ свободы выборовъ. Между тѣмъ правительство само именуется всѣхъ, которыи имѣютъ выйти изъ выборовой урны. Поминаю выборы въ державную думу, бо то за-надто черная картина въ нашемъ житіи политичномъ, а я не хочу ятрить той тяжкой и болестной раны, которая только-що начала гоитися. Перейду прямо до выборовъ въ рады повѣтовыи.

Выборы въ рады повѣтовыи, якіи въ послѣднихъ двохъ лѣтахъ были переведены—то чистая иронія! То было що-то такое, о чемъ тѣмъ, которыи составляли законы о повѣтовой репрезентации и выборovou ординацію, даже не снилось. Тутъ не выбираютъ избиратели, тутъ выбираетъ правительство; бо староста составляетъ листы членовъ до рады повѣтовой, бо староста именуется избирателей, бо староста вообще ведетъ себе такъ, якъ будто бы избиратели, имѣющіи высылати своихъ заступниковъ, были

машиною, которая должна двигаться туда, куда я направитъ машинистъ; а машинистомъ тутъ — именно самъ староста! Сумный тотъ опытъ пережилъ я уже на жалъ и въ моемъ повѣтѣ жолковскомъ, а придивляючись тамъ многимъ выборамъ, прійшолъ я до пересвѣдченья, що все выборы — то илюзія. Бо-жь тамъ, гдѣ староста отличается якою-такою энергією, умѣетъ завладѣти ситуацією и знаетъ гром. начальниковъ за чубъ держати, тамъ при нынѣшней системѣ выборы должны непременно выпасти такъ, якъ староста себѣ желаетъ; тамъ выйдеть изъ урны лишь тотъ, которого староство призначило. Я не признавалъ бы того, можетъ-быти, за такъ великое зло, если бы тутъ марковалась якая гармонія между старостою а людьми, которые верховодятъ въ повѣтѣ, которымъ зависить на томъ, щобы въ повѣтѣ былъ добробыть; если бы тотъ староста старался перевести выборъ людей, извѣстныхъ въ повѣтѣ изъ своей позитивной дѣятельности; если бы старался впровадити въ повѣтовын рады такихъ людей, которые дѣлали бы тамъ съ корыстію для повѣта. Тогда зло, которое въ каждомъ случаѣ есть зломъ, не такъ болестно дотыкало бы тѣхъ, которые имѣють право высылати своихъ заступниковъ въ автономичны тѣла. Но якъ болестно должна затронути каждого та номінація, если на картахъ, старостою составленныхъ, старостою напечатанныхъ, урядниками староства роз

данныхъ между выбирателей, увидить людей, которыхъ въ повѣтѣ никто не знаетъ, которыя ничѣмъ не отличились, которыя откровенныя и явныя враги русскаго народа. То болитъ каждого, а тѣмъ больше нашъ народъ, если въ тотъ способъ вытѣсняють его даже изъ тѣхъ радъ повѣтовыхъ, гдѣ чей же русины ничего такъ злого сдѣлати не могутъ.

Однако — продолжалъ пос. д-ръ Король — не лишъ при выборахъ изъ меньшихъ посѣлостей, а и при выборахъ изъ городовъ то самое практикуется. Скажете: „Тажъ въ радахъ громадскихъ по городамъ засѣдаетъ интеллигенція!“ Такъ есть, засѣдаетъ интеллигенція, но то интеллигенція польская, которая сжилась съ тѣмъ принципомъ, щобы всякими возможными способами стараться: до репрезентаційныхъ тѣлъ — сохрани Боже — не припустити якого русина. Та интеллигенція предпочитаетъ резигновати изъ своихъ автономичныхъ правъ и ити слѣпо подъ приказъ старосты, щобы только имѣти ту увѣренность, що изъ выборовоу урны не выйдеть русинь.

Въ нашемъ повѣтѣ города и мѣсточка имѣють большинство русиновъ. Въ Куликовѣ и въ Мостахъ живеть больше чѣмъ $\frac{2}{3}$ русиновъ, а $\frac{1}{3}$ припадаетъ на прочіи народности. А однако изъ тѣхъ городовъ не допущено ни одного русина въ повѣтовую раду. Въ жолковской радѣ громадской майже цѣлое третье „коло“ составляютъ русины, а помимо того староста, составляючи листу делегатовъ изъ

Прилога до „Гал. Руси.“

рады громадской, на 23 членовъ не взялъ ни одного русяна; взялъ за то всѣхъ жидовъ и поляковъ. Чи такъ должна поступовати правительственная власть, если заступникъ короны публично въ соймѣ заявилъ, що ніякая неприязная система противъ русиновъ не существуетъ?

Такая практика имѣла мѣсто во всѣхъ повѣтахъ восточной Галичины, для того не удивительно, що при выборахъ въ рады повѣтовые русскіи кандидаты майже всюда были въ меньшинствѣ, ибо при такомъ поведеніи правительственныхъ органовъ иначе быти не могло.

Если говорю о радахъ повѣтовыхъ, то не могу поминути одного весьма любопытного факта. Въ Снятинѣ, по выборѣ новой рады повѣтовой, выбираю делегатовъ для окружной рады школьной и выборъ палъ на нашего товарища о. Гаморака. И що же сталося? Краевая рада школьная не подтвердила того выбора и не подала мотивовъ, ибо она къ тому не обовязана. Пытаюся, чи было основаніе отказать о. Гамораку въ компетенціи заступати повѣтъ въ радѣ школьной окружной? На то, думаю, найдетея когда-то отвѣтъ и исторія осудитъ такое поступованье правительственныхъ властей.

Еще горше дѣется при выборахъ въ громадскіи рады; тамъ просто кривдятся интересы громады, ибо форсеуются въ громадскіи рады люди, которыи ни характеромъ, ни своимъ имѣніемъ не даютъ ручательства, що будутъ добре управляти дѣлами громады, люди, у которыхъ не разъ есть тяжкіи грѣхи на

совѣсти, могущіи ихъ завести и передъ судъ, ибо именно они густо-часто приходятъ въ столкновение съ карнымъ кодексомъ. И тѣ люди урядуютъ, а урядуютъ для того, понеже власть ихъ протегуетъ, а они за то ей слѣпо служатъ. Що тѣхъ словъ не говорю на вѣтеръ, о томъ можете пересвѣдчитись изъ численныхъ дописей русскихъ газетъ, а то подтвердила и краковская Nowa Reforma, которую чей никто не станеть подозрѣвати въ великой симпатіи къ намъ.

Такъ дѣется въ повѣтахъ золочевскомъ, гусятинскомъ, борщевскомъ, залъщицкомъ и другихъ, а на жаль дѣется и въ жолковскомъ, гдѣ то все я на свои очи видѣлъ. Тутъ при выборахъ въ громадскую раду не перебирають въ средствахъ, чтобы только vybrati людей, которые слѣпо пойдутъ по приказу громадского писаря, получающаго инструкцію изъ горы. Тутъ нѣтъ взглядовъ на добро громады, только на политическіи цѣли, чтобы имѣти добрыхъ агитаторовъ при выборахъ. Главная агитація ведется при выборѣ гром. начальника, на которого стараются перефрезовати найгорьшіи личности, способныи даже утопити громадскіи гроши въ своемъ приватномъ карманѣ. И тѣ люди стоятъ во главѣ громадъ и урядуютъ, хотя громады вносятъ на нихъ жалобы!

Скажете: вѣдь можно внести протестъ въ намѣстничество, которое сдѣлаеть все, що будетъ въ его силѣ и не дастъ нарушати за-

кона. Куда тамъ! Краевая власть, то есть галицкое намѣстничество, откидаетъ а li nie всѣ протесты и не уважаетъ потребнымъ даже провѣрити тѣхъ, неразъ драстичныхъ замѣтовъ, поднесенныхъ протестующими. Приведу примѣръ. Минувшаго года отбылся выборъ въ громадѣ Мацошинѣ. Выбора того не оголосилъ гром. начальникъ, имѣющій, очевидно, отъ кого-то инструкцію. Когда люди случайно узнали, що выборъ имѣеть завтра отбытись, они пытались начальника, о которомъ часѣ. Начальникъ сказалъ, що о второмъ, ибо тогда прїѣдетъ делегатъ изъ староства. То имѣло быти 5 сентября 1891 г. Люди повѣрили и ждали на делегата. Староство выслало яко делегата діурниста, жида Кеслера, который прїѣхалъ раненько въ $\frac{1}{2}$ 6 ч. и началъ выборы съ тѣми, которые были увѣдомлены и имѣли инструкцію, кого должны выбирать. Когда пошла вѣсть по селѣ, що отбываются выборы, начали сходиться селяне, имѣвшіи право выбора, но о 6 ч. кончился уже выборъ изъ второго „кола,“ а третье уже давно кончило. Управненнии внесли черезъ мене протестъ на русскомъ языкѣ, а внесли его въ предписанной дорожѣ, выказавши незаконный способъ поступованья. И думаете, що намѣстничество велѣло распорядити якое слѣдство? А чей же протестъ подписала вея интеллигенція, весь цвѣтъ селянства, однако не смотря на то, онъ былъ возвращенъ съ резолюціею: *Zwraca się protestującym jako bezpodstawny bez żadnych dalszych motywów.* Та резолюція была въ моихъ рукахъ.

Другая громада, самая порядочная въ повѣтъ, гдѣ люди грамотны. именно громада Бутины, имѣеть громадскимъ начальникомъ Николая Музыку, который давно уже долженъ бы сидѣти подъ ключемъ и который ужасно кривдитъ громаду, наполняя громадскимъ грошемъ свои карманы. Будучи начальникомъ, убилъ онъ селянина и за то былъ приговоренъ, на основаніи вердикта присяжныхъ судей, лишь за преступленіе изъ §.335 карн. закона къ 6 мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. Не смотря на то, задержалъ его староста яко гром. начальника. Не знаю, якъ то вліяеть на нравственность громады, которая пересвѣдчена, що начальникъ убилъ челоуѣка, що за то пересидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ слѣдчомъ арестѣ и 6-мѣсяцевъ на карѣ. На то нехай отвѣтитъ правительство. Тотъ гром. начальникъ урядуетъ до сихъ поръ, хотя выборъ новой рады переведенъ давно. Я интерпеловалъ въ томъ дѣлѣ старосту, который призналъ, що о всемъ знаетъ, що знаетъ, що Музыка „лайдакъ“, однако сказалъ: *będę go trzymał tak długo, póki taki Mukielita i Kudryk (селяне-патріоты) бędą się mieszać do wyborów.*

Въ громадѣ Мервечи переведено минувшого года выборъ громадской рады, а понеже не было протеста, переведено и выборъ начальника. И дивнымъ случаемъ, за стараніемъ мѣстного приходника, выбранъ былъ начальникомъ селянинъ Босанъ, челоуѣкъ письменный и зажиточный, противъ которого никто

ніякихъ замѣтовъ не могъ поднести. Тѣмчасомъ минулъ уже годъ, а тотъ начальникъ, выбранный законно, не урядуетъ, а урядуетъ Иванъ Самотѣй, послѣдній пьяница въ повѣтъ. Священникъ удавался съ представленьями до староства, що стерпѣти того не можетъ, щобы такіи пьяница войтоваль, однако староста сказалъ: „Вы не хотѣли vybrати войтомъ Володка, которого я хотѣлъ, то будетъ Самотѣй дальше урядовати!“ И Самотѣй до теперь урядуетъ.

Сумныи исторіи при выборахъ рады громадской были въ Куликовѣ и Мостахъ-великихъ, гдѣ розвинена была агитація на широкіи розмѣры, щобы въ рады громадскіи не допустити русиновъ. Въ Мостахъ вел. интеллигенція соединилась съ людьми, съ которыми честный человекъ не долженъ бы даже говорити. Перефорсовано тамъ изъ первого „кола,“ и то при помощи интеллигенціи, покутного писаря Пинкаса Рапапорта и Адольфа Клавзека, который за розличного рода мальверзаціи удаленъ былъ изъ уряда громадского писаря. Тѣхъ людей польская интеллигенція не стыдалася vybrати въ громадскую раду, лишь щобы, сохрани Боже, не допустити русина! Противъ тѣхъ выборовъ внесли управленныи протестъ, въ которомъ навели факты, о якихъ бы никто и не думалъ. Я прошу г. намѣстника, щобы изволилъ прочитати тотъ протестъ, а пересвѣдчится, якъ поступають власти при выборахъ. Дѣются тамъ вещи, о которыхъ никому не снилось. О той справѣ не хочу говорити, бо она точно теперь въ ходу.

Надѣюсь, що намѣстничество по крайней мѣрѣ въ семь случаѣ поступитъ якъ приказуетъ законъ.

Еще долженъ я поднести справу поступованья властей въ виду духовенства. Наши старосты, вмѣсто поддерживать авторитетъ священника, стараются подкопати его повагу на всякомъ шагу, чтобы священнику въ громадѣ, въ которой онъ дѣйствуетъ и которая его почитаетъ, усунути почву изъ-подъ ногъ, и отдати громаду на милость и немилость политическихъ агитаторовъ.

Ніякихъ замѣтовъ тѣмъ священникамъ дѣлать не можно, а лишь тотъ одинъ, що они свои громады умѣютъ повести такъ, що при выборахъ въ раду повѣтовую избиратели изъ ихъ громадъ не дали голоса на кандидатовъ староства, а на тѣхъ, которыхъ имъ русины указали.

Въ громадѣ Турьника отбылся недавно выборъ церковного комитета. Уконституованье его отбылось въ зданіи староства. До теперъ практиковалось въ цѣлой Галичинѣ, що предсѣдателемъ церк. комитета состоялъ священникъ или патронъ. Но въ Турьницѣ переведено на предсѣдателя церк. комитета селянина, челоуѣка неписьменного, который безусловно на то не заслугуетъ, такъ якъ подѣ взглядомъ моральнымъ имѣеть весьма ничтожную цѣну, и который даже въ церковь рѣдко ходитъ. А то все сдѣлано для компромитованья священника. Не знаю, выдетъ ли на томъ хорошо правительство, подкопующее повагу духовенства? А то не одинъ случай. Староство приказало

въ громадахъ Турынцѣ, Мокротинѣ, Звертовѣ и Добросинѣ, за то, що члены тѣхъ громадъ при выборѣ рады повѣтовой не голосовали по желанію старосты, голосити іосифинскій патентъ. Скажете, що то ничего удивительного. И я не видѣлъ бы въ томъ ніякого зла, если бы священникъ сдиралъ народъ, а то священники любленны народомъ, имѣющіи великую повагу въ громадѣ. Дѣлалось то лишь въ той цѣли, чтобы подкопати повагу тѣхъ священниковъ.

Можемъ же мы въ виду такихъ фактовъ имѣти довѣріе къ правительству?

Мнѣ видится, що мы принуждены имѣти оправданный жалъ до такого правительства, которое съ нами въ тотъ способъ поступаетъ, такіи бо факты возбуждаютъ въ насъ недоувѣріе до того, що мы слышали изъ устъ представителя короны. Думаете же, що мы слѣпы на то все, шо въ округъ насъ дѣется? Думаете, що мы не знаемъ, куда ведетъ та дорога, которою поступаетъ правительство? Та политика свидѣтельствуеть о томъ, що правительству не расходится о свободное наше развитіе, а лишь о то, чтобы намъ отобрати даже рады громадскіи, чтобы тамъ засѣдали люди, слѣпо исполняющіи повелѣнія старосты; чтобы намъ выдерти почву изъ-подъ ногъ и сдати насъ на милость и немилость самого же правительства.

Я не приписую вины того всего дотычнымъ старостамъ, не приписую ей въ первой линіи старостѣ изъ Жолкви, который есть энергичнымъ человѣкомъ и примѣрнымъ урядникомъ и — якъ то сказала г. намѣстникъ — „перлою между старостами“. Тотъ староста, г. Ланикевичъ въ Жолкви, даже пріязно расположенъ для селянства и, можетъ быть, хотѣлъ бы даже помочи селянину и взяти его въ оборону передъ выыскомъ; онъ, быть можетъ, и другъ народа. Если же такой староста при выборахъ такъ поступаетъ, то видно, що такой вѣтеръ вѣетъ съ горы.

А що же дѣется въ другихъ повѣтахъ, гдѣ нѣтъ такого старосты, якъ Ланикевичъ? Якіи кривды дѣются тамъ русинамъ? Отвѣтъ на то предоставляю вамъ, и на томъ кончу мою бесѣду для того, бо по мнѣ намѣряютъ еще промовляти мои товарищи, которые также поднесутъ многіи другіи кривды.

То призналъ я необходимымъ сказать подъ адресомъ правительства, чтобы оно уже разъ смѣнило систему. Если правительство хочетъ, чтобы мы развивались подъ эгидою австрійской державы яко самостоятельный славянскій народъ, нехай смѣнить свое поступованье, а я увѣряю въ моемъ и въ моихъ товарищей имени, що жалобы и борьбы наши кончатся, а ихъ мѣсто займетъ общій трудъ для блага того края, въ которомъ разомъ живемъ. (Брава отъ русскихъ пословъ).

Рѣчь поска Юл. Романчука.

Два лѣта доходить, якъ выс. правитель-

ство заповѣло русинамъ, що будетъ имъ оказовати жичливість и заспокоитъ ихъ потреби, если зазначать выразно свое становище, яко сходное съ интересами державы. То послѣднее слалося. На засѣданіи сойма отъ 25 ноября 1890 г. зазначилъ я, а въ слѣдующихъ дняхъ и мои одномышленники голосно и яспо наше становище національное и политичное. Правительство, якъ также польскіи послы, мусѣли признати, що оно дѣйствительно сходно съ интересами державы и не противитя управненнымъ интересамъ народа польского. Тожъ заявленіе наше приняли приклонно Его превосх. г. намѣстникъ именемъ правительства и польскіи послы въ имени репрезентаціи польского народа. Г. намѣстникъ увѣрялъ насъ о приклонности правительства, генеральный бесѣдникъ пос. Мадейскій сгадалъ о общомъ трудѣ, а ген. референтъ бюджетной комисіи пос. Билинскій увѣрялъ, що о русской справѣ не будемъ потребовати уже дискутовати при бюджетѣ.

Чи тѣ запевненья исполнилися? Русины въ краю приняли ихъ розлично: переважная (? - ред.) часть съ радостію и надеждою, гдѣ-которыи съ большимъ или меньшимъ недовѣріемъ, иныи снова цѣлой той акціи, которая мусѣла имѣти не малое вліяніе на политику русиновъ, были противны. Я, самъ признаюся, належалъ до немного недовѣрчивыхъ, но помимо того я рѣшился сдѣлати сгаданный шагъ и былъ бы его сдѣлалъ даже тогда, когда бы былъ имѣлъ еще меньше вѣры въ его успѣхъ. Бо я уважалъ за потребное дати

еще разъ наглядное доказательство крайней уступчивости и умѣренности русиновъ и тѣмъ сбудовати золотой мостъ для правительства и поляковъ до заверненья ихъ изъ политики супротивъ русиновъ; я уважалъ за дѣло политичное и патріотичное не давати и позора, будто бы мы отъ протяганной намъ руки отсуваемся, и сдѣлати еще одну пробу, чи удастся на той дорожѣ довести до мирного улаженья отношеній въ нашемъ краю. Якъ бы еще и та проба не удалася, то мы свое сдѣлали: мы оправданы до конца на вѣ передъ всѣми и обезпечены передъ собою самими що-до нашего дальшого дѣланья.

По данныхъ намъ увѣреньяхъ смѣны политики правительственной и польской, мы смѣнили политику нашу. Мы сойшли изъ попередного становища оппозиційного и заняли становище выжидающее, и изъ него мы не сходили даже тогда, когда и правительство и поляки вытреванье на немъ дѣлали намъ весьма прикримъ и труднымъ. Первый разъ отъ эры конституційной центральяый парламентъ не чулъ нарѣканья русскихъ пословъ на польскій гнетъ, а чулъ пріязныи ихъ слова. По завленіяхъ и увѣреньяхъ русины ждали на ихъ исполненье. А не ставляли мы великихъ претенсій. трудныхъ до выконанья, подобныхъ хотя немного до вашей, гг., резолюціи изъ 1868 г. по смѣнѣ вашей политики. На подставѣ нашихъ природныхъ и конституційныхъ правъ належится намъ полное равноуправненье въ краю и державѣ. Намъ на 141 посольскихъ мандатовъ въ соймѣ належится не нѣскольконадцать, якъ теперь имѣемъ, даже

не 47, які при нынѣшней ординаціи выборовой можемъ имѣти, а сверхъ 60; на 63 мандаты до думы державней не 7 взглядно 15, а 28; намъ належится иное заступничество въ радахъ повѣтовыхъ, въ радѣ школьной краевой и въ радахъ окружныхъ, иное становище для нашего языка въ судахъ, урядахъ, школахъ и т. д. Чи мы однакожь поставили такіи условія? Чи мы зажадали такой смѣны ординаціи выборовой до сойма и до радѣ повѣтовыхъ? Чи мы зажадали снесенья цѣсарского распоряженья о языцѣ урядовомъ въ Галичинѣ? Мы не отреклися вправдѣ нашихъ правъ, мы ихъ собѣ выразно застерегаемъ, однако мы ограничились на поднесенье нашихъ найпильнѣйшихъ потребъ, предовѣмъ смѣны дотеперѣшного поступованья супротивъ русиновъ, смѣны непріязной для насъ системы, котораято смѣна повинна была наступити сразу, яко первая ознака смѣненной ситуаціи, а заспокоенье спеціальныхъ потребъ наступало бы въ мѣру техничной возможности.

Найпростѣйшая политичная рація приказовала: если акція съ русинами имѣла довести до якого додатного результата, щобы скорымъ и рѣшительнымъ дѣланьемъ приклонныхъ той акціи русиновъ въ приклонности ихъ утвердити, недовѣряющихъ увѣрити, противныхъ переконати или обезсилити. И то не было такъ трудное дѣло. Однако минуль одинъ мѣсяць, другій и третій, а не было видной ознаки, щобы въ политичной системѣ

супротивъ русиновъ наступила якая замѣтная смѣна. Ажъ прійшли выборы до думы державной. Теперь — думали выжидающіи русины — есть добрая случайность оказаться смѣненной политицѣ. И правда, вмѣсто попереднихъ 5 допущено (значить именовано — ред.) теперь 7 русиновъ до думы державной, а между ними и такихъ, которыхъ прежде и правительство и поляки якъ найзавзятѣйше поборювали. Но, поминувши уже то, що тѣ давнѣйше поборюваннии заняли теперь иное становище, чи того мали русины право надѣяться? Ихъ споминки полетѣли мимо воли въ minuloshnostь 18-ть лѣтъ назадъ. Тогда русины случилися съ нѣмцами-централистами и жидами, и тотъ союзъ принесъ имъ 15 посольскихъ мандатовъ; теперь мы спробовали миритися съ поляками и узыскали 7 мандатовъ. Тогда правительство рѣшительно подпирало всюду русскихъ кандидатовъ, а теперь въ гдѣ-якихъ повѣтахъ поступало противъ русиновъ еще безвзгляднѣйше, чѣмъ передъ заповѣженною смѣною системы. Не для того то сгадую, щобы мы имѣли тужити за давнымъ союзомъ, а только констатую факты.

Тѣ выборы первыи подкопали довѣріе вѣрующихъ. Но загаль русиновъ постановилъ выжидати еще и дальше, вытревати якъ найдолше. И снова минали мѣсяцы за мѣсяцами. Лишь весьма спорадично были такіи дробныи факты, якъ то, що намѣстничество гдѣ-тамъ кому-то отписало русскими буквами, вмѣсто, якъ давнѣйше, польскими, и то що выдѣль краевый постановилъ на русскіи письма только русскими буквами (но за то фонетикою —

ред.) отписовати. Но за то и що-разъ больше чути было нарѣканій, що выборы до радъ повѣтовыхъ переводятся съ давнюю нетолеранцію, на прим. въ Золочевѣ, Бродахъ, Жолквѣ, що старосты выступаютъ при тѣхъ выборахъ противъ русиновъ, и що вообще въ поступованью властей и органовъ правительственныхъ супротивъ русскихъ людей, русскихъ громадъ, русскихъ школъ, русского письма и т. д. осталася давняя система, и то супротивъ всѣхъ русиновъ безъ различія, которыи лишь крѣпко стоятъ за своимъ. И снова полетѣли воспоминки въ тѣ времена, когда поляки стали смѣняти свое становище въ виду державы. Якъ то тогда все нагло и радикально смѣнилось въ системѣ правительства противъ нихъ! Высокихъ и способныхъ урядниковъ сейчасъ поусувано, множество урядниковъ середнихъ и низшихъ отдалено, и тѣ, которыи еще вчера были преслѣдованы а бодай подозрѣваны, стали наразъ не то безсторонно трактованными, но протегованными и панующими въ краю. И снова мушу додати, що жаданья русиновъ подъ тѣмъ взглядомъ были далеко-далеко скромнѣйшии.

Можно было думати, що правительство и поляки оттягаются для того, бо недовѣряють русинамъ, именно не довѣряють выступленью ихъ пословъ въ думѣ державной. Однако минула сесія парламентарная, и сами противники русиновъ мусѣли признати ихъ лояльное поступованье, — но политика противъ нихъ таки не смѣнилася. Отношенія поляковъ до русиновъ нехай схарактеризуетъ хотя бы сей одинъ фактъ: Имѣлъ отбытися дополнитель-

ный выборъ одного посла до сойма въ русскомъ повѣтѣ. Очевидно, полякамъ при ихъ такъ весьма переважномъ большинствѣ, якое имѣють въ соймѣ, о одинъ мандатъ ходити не могло; не могло имъ также много залежати — говорю то, не уближаючи въ ничомъ выбранному послу — на особѣ, которая яко польскій кандидатъ выступила. Русины изъ своей стороны поставили кандидатомъ чело-вѣка, извѣстнаго широко въ краю, а до того уважаннаго самыми поляками за одного изъ найприклоннѣйшихъ польско-русской сгодѣ (Ал. Барвинского — ред.). Поляки знали добре, що русинамъ именно въ той хвилѣ, на томъ выборѣ много залежитъ. Всякая прото-рація политичная приказовала имъ не выступи противъ той кандидатуры. Однако — про-шу даровати за отвертость — особистый ин-тересъ одного шляхтича перемогъ всякіи инши взгляды, и польскій выборовой коми-тетъ поспѣшилъ чѣмъ скорше кандидатуру его подтвердить и оголосити. — А поль-ская журналистика, которая давнѣйше ча-сомъ бодай солодкими словами покрывала горькіи дѣла, теиерь, съ весьма малыми изъ-ятіями, майже неустанно подъюжовала про-тивъ русиновъ.

Чѣмъ больше времени минало и поли-тика супротивъ русиновъ не смѣнялася, тѣмъ больше стали среди русиновъ исчезати задо-воленье, упадати надежда, возростати недо-вѣріе; лишь противники были тѣмъ удовле-нены. Когда же передъ полугодомъ, якъ обез-охоченье русиновъ возмоглося уже значитель-но, правительство въ сей выс. палатѣ на по-

ставленную русскими послами интерпеляцію що-до поступованья властей и судовъ отвѣтило приклонно, а недавно передъ тѣмъ на старостахъ восточной Галичины умѣщено по-при польскихъ также русскіи написи, дальше оголошено реорганизованье русскихъ школь упражненій въ Тернополь, Станиславовѣ и Львовѣ, а выс. соймъ рѣшилъ основанье русской гимназіи въ Коломыѣ, — то казалось, що бодай теперь, бодай поздно, а та система давняя устанеть. Однако надежда не тревала долго. Вскорѣ по рѣшительномъ заявленью правительственного комисара въ соймѣ стали отзыватися нарѣканья изъ всѣхъ сторонъ краю, що на провинціи правительственныи власти и органы поступають совсѣмъ по давному, не оглядаючися совсѣмъ на то заявленье. Намѣрялъ я на то приводити тутъ факты, но що ихъ уже приведено такъ много, а именно факты, которыи привель попередній бесѣдникъ (пос. д-ръ Король) имѣють всякіи признаки автентичности, то я уже дальшихъ фактовъ приводити не буду.

Запытаюся только: откуда то походитъ, що низшіи власти, помимо приклонныхъ заявленій правительства въ соймѣ, поступають такъ суперечно съ тѣми заявленіями? Слѣдуетъ прото съ жалемъ признати, що, съ изъятіемъ сгаданной части русиновъ, майже нигде въ цѣломъ краю не принялася вѣра въ ширость политики правительства. Невѣруту очевидно подѣляютъ и низшіи власти, а утверждаетъ ихъ въ томъ переконанью и поступованье правительства, що-найменше невыразное. Если бы правительство сейчасъ по

смѣнѣ политики русиновъ смѣнило было и свою политику, если бы не было такъ сильно оттягалось съ заспокоиваньемъ управненныхъ интересовъ русиновъ, если бы иначе было поступало при выборахъ до думы державной, если бы поступованье его было консеквентное, если бы издало оно категоричныи пренорученья для низшихъ властей, — тогда цѣлая ситуація была бы нынѣ совсѣмъ иная. Нехай бы оно только противъ двухъ-трехъ русиноѣдныхъ старостовъ и инспекторовъ окружныхъ оказало немного больше энергіи, то съ прочими не имѣло бы уже хлопотовъ. Но якъ же имѣютъ низшіи власти вѣрити въ ширость интенцій правительства, если у самыхъ высшихъ властей видятъ суперечныи дѣла?

Уже попередній бесѣдникъ сгадовалъ о новыхъ написяхъ на урядовыхъ будынкахъ во Львовѣ. Я додамъ только пару фактовъ иного рода. Въ мин. году издано новое распоряженье що-до внутренняго языка въ школахъ народныхъ и вышло состояніе еще горшое, чѣмъ прежное. Дозволено вправдѣ, чога давнѣйше не было вольно, русскимъ школамъ выдавати и русскіи свидѣтельства, но только тогда, если родители того выразно зажадаютъ; а чей же совсѣмъ природно было бы, чтобы, напротивъ, русскіи школы выставляли правильно русскіи свидѣтельства, а польскіи только на требованье родителей. А подѣлы лекцій, каталоги и т. д., которые прежде бодай въ гдѣ-якихъ школахъ писались и по русски, теперъ мусѣли во всѣхъ школахъ замѣнитись на польскіи. И такъ на пр. въ русской школѣ им. Маркіана Пашкевича во

Львовъ два лѣтъ тому назадъ, передъ новою политикою, были еще русскіи каталоги, — въ мин. году, уже по настанью новой политики (читай: новой эры! — ред.), мусьли они на приказъ съ горы заступитися польскими.

При такой политицѣ правительства не дивно, що веѣхъ русиновъ, даже и тѣхъ, которыи бы найщирше хотѣли ити дорогою порозумѣнья, перейметъ незадоволенье и огорченье, и що того прикрого чувства не могутъ заглушити поодинокіи факты увзглядненья гдѣ-якихъ потребъ русиновъ, хотябы и якую до нихъ прикладати вагу. Що приневольаетъ правительство до того поступованья? Чи то простыи ошибки политичныи (хотя противъ тѣхъ ошибокъ неразъ свертано его увагу), чи тутъ играютъ роль якіи иншіи вліянія? Для насъ то въ результатъ все одно, я не хочу и не буду того розбрати, но моею обовязанностью есть высказати щирую правду и дати выраженіе незадоволенью русского народа.

Уважаючи такъ мало на интересы и чувства русиновъ, правительство не беретъ также взгляда на экономичныи потребности люду. Сельскій и маломѣщанскій нашъ народъ въ переважной части находится въ нужденномъ положенью матеріальномъ. Правда, що для выдобытъя его изъ того положенья потребна большая акція законодательная, но въ многихъ случаяхъ помогли бы и съ великою признательностію были бы приняты народомъ даже дробныи роспоряженья администраційныи. Однако, на жаль, того не видно. Въ вѣсьма многыхъ сторонахъ лѣсная звѣрина нищить кровавый трудъ бѣднаго господаря, въ иныхъ

сплавлюванье дерева руйнуеть его поля, то снова хитрыи люди вызыскують его непорядность. Въ тѣхъ и другихъ такихъ потребахъ народъ шукаеть опеки у власти, но власть задовольается свычайно тѣмъ, щобы было спокойствие между народомъ и щобы держава достала то, що ей належится, рекрута и податокъ. Если гдѣ случится, що якій староста беретъ народъ въ опеку, то муситъ быти дуже осторожный, бо готовы его окричати хлопоманомъ. Тожь не диво, що народъ нашъ, хотя такъ терпеливый и привязанный до земли своихъ отцевъ, покидаеть свой край и идетъ въ въ далекій свѣтъ, хотябы даже зналъ, що и тамъ не найдетъ доли. Роспука не даеть розваги.

Съ горькимъ и прикримъ чувствомъ приходится мнѣ констатовати ту ситуацію. Не выходитъ, розумѣется изъ того, щобы я и мои одномышленники имѣли черезъ то смѣнити засадничое наше становище, которое мы передъ несполна двома лѣтами зазначили. На томъ засадничомъ становищѣ мы несмѣнно за всегда стояли, даже тогда, когда въ насъ именно за-для того видѣно небезпечныхъ революціонеровъ; на томъ становищѣ всегда и останемъ, и туда будемъ старатися вести нашъ народъ, хотя бы намъ пришлось на всѣ стороны вести найтяжшую борьбу. Но изъ взгляда на то, що ни правительство, ни польская сторона своей системы не смѣнили, бо поодинокіи изъятныи случаи не могутъ называтися правиломъ, то и мы мусимъ отвѣтную тому вести политику. Якіи послѣдствія изъ того выйдуть, если наше дѣ-

ланье, веденное не только въ интересѣ нашего народа, но выходящее также въ пользу краю и державы, будетъ парализовано политикою правительственной и польскою, разважте добре, бо на васъ и на правительство спадеть за то полная отвѣчательность.

Рѣчь посла д-ра Окуневскаго.

Нехай мнѣ вольно будетъ сегодня, гдѣ уже мои товарищи пояснили политичное положеніе русскаго народа въ теперѣшней добѣ, свернутися до стороны соціальной его и пояснити, якъ намъ представляется то массальное движеніе народа на востокъ, гдѣ котормъ концентрируется цѣлый объѣвъ нынѣшняго экономичнаго положенія не лишъ нашего Подолья, но и цѣлого края. О томъ уже и пос. Вивіенъ сказалъ вчера, подаючи однако, по моему мнѣнію, не цѣлкомъ докладный и вѣрный образъ нашой sprawy. Пос. Вивіенъ, яко бы боячися, щобы польскую шляхту не встрѣтилъ замѣтъ, що то она винна тому всему — старался съ горы вмовити и переконати насъ, що покривжены экономично собственно не селяне, а властители большой посѣлости збарражскаго и скалатскаго повѣтовъ. Выходила изъ того такая дивоглядная консеквенція, що русскій людъ эмигровалъ въ Россію для того, бо шляхтѣ польской въ Галичинѣ зле, а русскому люду добре дѣется. Впечатлѣніе той рѣчи посла Вивіена было для мене двойно не-

пріятно, разъ, що оно невѣрное, а во вторыхъ, що я наглядно переконался, що польское общество неспособно до разумныхъ экономическихъ реформъ въ виду нашего селянства. Отъ давнихъ лѣтъ, бо отъ начала XVI столѣтія, отъ когда стала проявлятися въ польскомъ организмѣ болячка анархіи, можновладной и шляхетской, польское общество никогда не любило пригляднутаися властивымъ ея причинамъ, а накладало всегда пластырь на ту болячку и фразами осоложало себѣ невыгодное положенье. Такимъ пластыремъ, такую солодкою отруею была, по моему мнѣнію, вчерашняя рѣчь посла Вивіена. Онъ сказалъ: На Подолью найтяжше живется шляхтичу-помѣщику — онъ бѣдный, стративши (а властиво истребивши) уже лѣсы, ставы, потерявши grzybu і guby, принужденъ теперь платити селянину, давати ему по 60 кр., а даже по 1 зр. 20 кр., а дворской службѣ давати огородъ, корову, 12 корцевъ ординаріи и въ додатку еще 30 до 35 зр. заплаты въ годъ. Селянинъ можетъ себѣ при самомъ копанью картофель заробити по 60 кр., а даже по 1 зр. 20 кр. на день. Въ западной Галичинѣ, — говорилъ пос. Вивіенъ, — селянину плохо дѣется, въ восточной напротивъ, шляхтѣ плохо, а селянину хорошо. Но подшенты, подшенты лукавыи — вотъ що довело нашего селянина до эмиграціи, того селянина, що майже съ идолопоклонною привязанностію держится той земли. Подшенты лукавыи... Я бы позволилъ себѣ запытати п. Вивіена, якъ онъ себѣ то представляеть? Чи по-правдѣ онъ серіозно думаетъ, що селянскіи масы можно хотя бы

наиласкавѣйшими подшептами до оставленія земли наклонити? Нехай бы спробоваль п. Вивіенъ наклонити швайцарскихъ или американскихъ селянъ до эмиграціи въ нашу Галичину. Я весьма любопытный, якъ бы то ему удалось.

Причина, мой гг., лежитъ гдѣ-индѣ. По моему мнѣнію, селяне наши поддалися теперь лишь праву природы, — якъ вода должна сплыти по наклонной поверхности, такъ народъ голодный муситъ сплыти тамъ, гдѣ ему дають или по крайней мѣрѣ общають заспокоити его первѣйшіи житевыи потребности. По моему мнѣнію люди наши не эмигрировали, они бѣжали передъ голодовою смертію и справедливо сказалъ г. намѣстникъ, що „вопросъ хлѣба“ былъ причиною сего движенія масъ, а не политичная агитація

Моею задачею будетъ то выказати, хотя я не изъ тамтѣхъ сторонъ и не изъ Подолья, но я задалъ себѣ труда, информуючися изъ польскихъ и русскихъ газетъ, у товарищей изъ относительныхъ сторонъ, и узналъ автентично, вотъ що:

Дневный заробокъ въ Збаражчинѣ, Скалатчинѣ и Чортковчинѣ не переходитъ переѣчно 25 кр. Лишь во время жнивѣ, которыи, якъ извѣстно, тревають двѣ недѣли, выносить заробокъ въ грошахъ около 50 кр. Есть много околлицъ, гдѣ тотъ заробокъ выносить денно лишь 15 кр., а у дѣвчатъ и женщинъ 10 кр. Въ гдѣ-которыхъ мѣстностяхъ жидъ вѣрникъ, спровадивши дѣвку до работы, велитъ ей платити себѣ еще 2 крайцары факторного. Я переконался, що и съ картофлями, о ко-

торыхъ п. Вивіенъ упоминалъ, стоитъ дѣло иначе. Достаютъ вправдѣ 10—12 мѣру, но мѣра не одинакова съ тою, которую работники пану даютъ. Бо когда работникъ отдаетъ пану корецъ картофеля, то въ томъ корцѣ муситъ мѣститься 44 гарнцевъ, а если панъ мѣряетъ работнику, то даетъ ему корецъ, въ которомъ мѣстятся только 32 гарнцы. Я переувѣдился, що только во время жнива заробить онъ 30—40 кр. Еще передъ 20 лѣтами давали женцу 8 копу выжатого сбожа, позднѣйше девятую, потомъ десятую, теперь 12-тую, а при яринѣ даже 15-тую. Що больше, двory даютъ жати на копы только лихое сбоже, а тамъ, гдѣ оно доброе, то за соль или черезъ половину за соль. Роботникъ муситъ гаровати цѣлый день въ жнива за 3 топки соли. Наступаетъ вымолоть. Тотъ, що жалъ на копу, муситъ копу или двѣ вымолотити даромъ, а иньи работники заробляютъ при томъ 25—35 кр.; когда же прійдетъ періодъ работы при кератѣ, заробокъ выносятъ 15—20 кр. Послѣ, когда и тотъ періодъ минеть, наступаетъ застоя, а селянинъ, не имѣючи нигдѣ зарбка, муситъ обмежитися на вчасный добытокъ изъ своей нивы.

И якъ же выглядитъ тотъ его добытокъ изъ своей земли? Я полагаю, що нашъ переувѣдчый селянинъ прокормляетъ 4 членовъ своей семьи. Ведля доклада и статистичныхъ данныхъ министерства земледѣлія, припадаетъ на нашего селянина переувѣчно 5 морговъ поля. Доходъ изъ тѣхъ 5 морговъ (не буду брати данныхъ изъ катастра, бо то было бы невѣрно) выносить ведля сказанныхъ дан-

ныхъ 150 зр. Принимаю, що семья нашего селянина состоитъ пересѣчно только изъ 4 членовъ, и що для нашего селянина не потреба лучшого прокормленія якъ 10 кр. на день, т. е. 40 кр. на семью, що дѣласть на годъ 146 зр. Остается 4 зр. — говорю 4 зр. — на податокъ грунтовый, домово-класовый, на додатокъ громадскій, повѣтовый, краевый, на конкуненцію школьную, церковную, приходскую, на оплату таксы войсковой, на всѣ похороны, крестины, свадьбы. Если додамъ шарварки на дороги громадскіи, амортизацію капитала, который вложилъ въ хату и въ инвентаръ живой и мертвый и въ одежду; если додамъ пертракціи наслѣдственныи, которыи навѣрно $\frac{1}{3}$ пайки батьковщины забирають дѣтямъ, бо по-правдѣ не меньше остается въ рукахъ адвокатовъ, нотарей и въ урядѣ податковомъ; если додамъ уставу ипотечную, приневоляющую селянина до сходности состоянія посѣданья фактичного съ ипотечнымъ (а знаю изъ практики, що суды накладываютъ свычайно кару 5 зр. на селянина за неупорядкованье ипотечного состоянія) — если на то все остается 4 зр., то, мой гг., якъ тутъ выжити? А тѣхъ 150 зр. принимаетъ министерство земледѣлія на середній лѣта! Но що же дѣется въ лѣтахъ неурожая, а такихъ было, якъ самъ п. Вивіенъ сказалъ, даже четыре съ ряду. И скажите же, мм. гг., що нашъ селянинъ имѣеть съ собою начинати при такомъ состояніи дѣла? Нашъ селянинъ не уходитъ подобно, якъ другіи народы, англійцы или португальцы, щобы народы подбивати или землю и золото добывати, — нашъ селя-

нинъ идетъ, бо ему его край не да-
етъ ни ѣсти ни жити.

Я имѣлъ подѣ рукою рѣшеніе ц. к. суда повѣтового въ Коссовѣ отъ дня 16 іюля 1891 ч. 8977, изданное въ drobныхъ справахъ Лейзора Бартфельда противъ Стефана Кончука и 5 товарищей, гуцуловъ, о заплату отъ каждаго по 49 зр. 16 кр. Ц. к. повѣтовый судья Іос. Паливода по переведенной росправѣ рѣшилъ, що позваннии о заплату тѣхъ сумѣ селяне за неотробленье работъ въ лѣсахъ румунскихъ не должны заплатити тѣхъ грошей Лейзору Бартfeldу, а въ мотивахъ того рѣшенія стоитъ дословно: „Позваннии признають, що въ силу договора, заключенного въ видѣ акта нотаріального съ позывающимъ и прочитанного при росправѣ, обязалися дѣлати услуги въ корысть позывающего въ лѣсахъ румунскихъ на время 6 мѣсяцевъ за уговоренною нагородою по 50 зр. за все время и за харчъ; ровно же признають позваннии, що каждый изъ нихъ на счетъ работы побралъ тримѣсячную платню въ высотѣ 25 зр. 98 кр.; наконецъ признають, що по 10-недѣльной работѣ перестали дальше робити и вернули домой. То застановленье дальшой работы оправдують позваннии тѣмъ, що позывающій, противъ выразительной стипуляціи VII устуна упомянутого договора, давалъ имъ на харчъ стухлую, на половину съ пескомъ перемѣшанную муку, вслѣдствіе чего, кормячись переважно черешнями, позваннии набавились пропасницы; що умовленную брынду доставлялъ позывающій съ черваками и що наконецъ кухарь дающаго роботу готовилъ для

позванныхъ страву на водѣ изъ калужи, по которой плавали гуси и качки, вслѣдствіе чего позванные часто находили въ поданной стравѣ гусячій и качачій лайна.“ Такъ за половину года тяжелой работы на чужинѣ принимаетъ нашъ работникъ 50 зр., стухлую, на половину съ пескомъ помѣшанную кашу и брындзу съ черваками. А п. Вивіенъ твердитъ, що нашему селянину - заробнику добре дѣется!

Кто служилъ при войску, могъ пригляднися нужденнымъ мускуламъ нашихъ воиновъ, тѣмъ смарнѣлымъ лицамъ, ни то дитячимъ ни то мужескимъ, тѣмъ апатичнымъ бездушнымъ очамъ, що свѣдчатъ о заморенной душѣ. То трудно: кто большую часть года кромѣ постной бульбы не ѣсть ничего больше, тотъ иначе выизрати не можетъ. Очевидно за физической и душевною немощію идетъ обѣднѣніе и занедбанье земли, худѣеть человекъ, худѣеть и земля — и такъ все марнѣеть и гинеть...

А надъ тѣмъ трудилась ваша исторія уже отъ XVI столѣтія. Не имѣю претенсій, чтобы вы мнѣ вѣру дали, тожь позволю себѣ изъ знаменитого сочиненія пчт. вице-президента красвой школьной рады п. Бобжинского прочитати уступы, чтобы дати образъ опеки вашихъ предковъ надъ нашимъ селяниномъ и пояснити причины нашей эмиграціи. Я слѣдилъ нарочно въ общей намъ исторіи за такими движеніями масъ нашего люда изъ одного мѣста на другое и сверхъ ожиданія нашолъ уступъ, который трактуеть о временахъ Жигмонта Старого. П. Бобжинскій

говорить въ своемъ сочиненіи, що польская шляхта, посбывшися своихъ высшихъ идеаловъ, значить удержанья изъ одной стороны моря Балтійского. а съ другой моря Чорного, посбывшися тѣхъ ширшихъ воззрѣній, кинулася на земельную собственность, а лишивши правъ солтысовъ, тѣхъ правдивыхъ защитниковъ сельскихъ свободъ, начала приневолювати селянъ до панцизняной работы. Въ упомянутомъ сочиненіи такъ говорится (читаетъ):

Odkąd szlacheic, dziedzic wsi, sam zostawał sołtysiem, nikła dla osady wieśniaczej najskuteczniejsza rękojmia jej samorządu, nie było, kto by jej praw, niegdysъ zawarowanychъ kontraktami zъ dziedzicem, mógł i odważyć się bronić, pan narzucał swoją wolę sądowi ławniczemu osady, pan coraz to cięższe powinności i daniny nakładał. Zaczęli chłopci zbiegać, zaczęli tłumnie przenosić się na Ruś, gdzie im nieustanna kolonizacya łatwiejsze dawała warunki. Szlachta w płacz, a powolne sejmy z r. 1496, 1505, 1510, 1520 wydają coraz to surowsze zakazy opuszczania gruntu przez chłopów, dają szlachcie moc ścigania i sprowadzania zbiegów. Nie mającъ opieki prawa publicznego, tracił chłop swoje najdroższe prawo, osobistą wolność. Po długiej, cichej ale ciężkiej walce społecznej za Zygmunta I przykuła szlachta chłopca ostatecznie do roli. Gotując się wreszcie na wojnę pruską, wymogła na królu, na sejmach, odprawionych w r. 1520 w Toruniu, a w r. 1521 w Bydgoszczy, hańbiące ustawy, w myślъ którychъ każdy wieśniakъ bezъ względu na swe dotychczasowe prawa i przywileje winienъ jestъ na znakъ poddaństwa co najmniej jeden dzień w tygodniu na gruncie pańskimъ pracować. Stworzono przymusową robociznę, która odtądъ zwiększającъ się nieustannie, ludъ wieśniaczy podala w niewolę.

Видите, мм. гг., точнесенько то самое, що теперь, а мнѣ кажется, що не умью быти такъ краснорѣчивымъ, якъ вашъ историкъ п. Бобжинскій.

Не буду дальше цитовати изъ русскыхъ газетъ, бо, можетъ быти, вы имъ не дали бы вѣры, а позволю себѣ снова изъ польской газетки Przegląd emigracyjny привести уступъ, который говоритъ (читаетъ):

Ale, aby nie popaść w towarzystwo tych, którzy całe złe wychodźtwa kładą na karb n. p. jedynie tylko propagandy politycznej lub religijnej, powtarzamy w myśl słów namiestnika, że lud nie może mieć przywiązania do ziemi ojczystej tam, gdzie nie tylko za mało pracuje się nad jego oświatą, lecz gdzie temu przywiązaniu stoi na zawadzie nędza w postaci 15-centowego zarobku dziennego i to niepewnego.

Извѣстны на Подолью такъ зовимы „боковыи поля“. Тотъ техничный терминъ возникъ во время первого катастра передъ 1820 г. Людямъ было тѣсно уже тогда, тожь эмигровали гдѣ-якіи селяне въ Россію и возникли оставленныи эмигрантами „боковыи поля“. Тѣ поля были рустикальны. Но що же! При закладанью катастра паны, вмѣсто оставити ихъ рустикальными, присоединили до доминикальныхъ. Извѣстны также вамъ, гг. изъ Подолья, т. зв. „ваканы“ ити пустары. Тѣ вакансии возникли около 1848 г. передъ и по снесенью панщины. Были то ровно же оставленныи нашими эмигрантами хаты и обыстья. Паны помѣщики присоединили и тѣ рустикальныи поля до доминикальныхъ. Вотъ и въ новѣйшии времена дворъ въ Пальчинцахъ забралъ 430 мор-

говъ поля, положенного за-границею, по поводу несплаченной индѣмнизациі.

Знаю фактъ изъ Борщевскаго, гдѣ за 300 морговъ лѣса заплачено при регуляціи сервитутовъ сто нѣсколькочесяць зр. Въ началѣ регуляціи сервитута, т. е. въ 50-тыхъ годахъ, имѣли еще громады выгонъ въ серединѣ села, а по-за селомъ громадекіи толоки. Тѣ выгоны съ начала регуляціи были записаны на громады. Въ нѣсколько лѣтъ позднѣйше наступила подѣ панскимъ напоромъ тенденція изъ намѣстничества, чтобы тѣ выгоны и толоки признавати за доминикальные (голосы: Nie!) и теперъ справа такъ стоитъ. (Голосы: Tak nie jest!) Можетъ быти, що не всюда, но въ многихъ громадахъ справа стоитъ такъ, що селянинъ, хотячи попасти скотину на своей стернѣ, муситъ провадити ю помежду панскіи ланы на мотузку. Иногда по недостатку выгона нѣтъ даже гдѣ гуски попасти. Въ иныхъ громадахъ запретилъ дворъ приступъ до ставу, запретилъ при потокахъ бѣлити полотно и мочити конопли. За собирање кмину, суницъ, грибовъ и травы велятъ себѣ дворы отробляти. Вотъ гдѣ глядите, гг., причины того, що у насъ на Подолью селяне держать такъ мало рогатого скота и коровъ, и що ваши усилія для поднесеня скотоводства едва ли принесутъ корысть!

А теперъ пригляньмося, якъ то наше правительство опекуется и боронитъ того селянина передъ вызыскомъ его труда. Для охорони роботника фабричнаго передъ капиталомъ постаралося уже правительство о законы, но на охорону селянина нѣтъ закона. Экеку-

ційный законъ хоронить, що-правда, послѣднюю одежду, постель, семейную памятку, но послѣдняго куска земли не хоронить. Вотъ вчера имѣли мы хорошее доказательство нашей печальности о селянинѣ. Львовское банкротовавшее Towarzystwo kredytowe выисковало не свѣдомость людей, а петиційная комсія предкладала перейти до дневного порядка надъ просьбою селянь, которые попали въ сѣти львовскихъ обманщиковъ. На счастье нашолся русскій посоль, который въ послѣднюю минуту спасъ ситуацію и честь выс. палаты передъ селяниномъ.

Дивнымъ дивомъ мы уже все понимаемъ, що когда промысль или торговля въ краѣ, а взглядно державѣ, еще не возросли на-столько, щобы могли выдержати конкуренцію, то политики краевыи знаютъ хоронити ихъ охоронительными пошлинами, но до той наибѣднѣйшой, зайнемощѣйшой продукційной силы, до того оставленного селянина, мы говоримъ по теоріи манчестерской: *laisser faire, laisser aller*.

Мои политическіи товарищи сказали уже свое слово о той оборонѣ, якую оказываетъ правительство русскому дѣлу; я прото обмежуся на указанье лишь гдѣ-якихъ фактовъ изъ другихъ повѣтовъ, щобы сѣлюстровати ту тенденцію правительственныхъ органовъ: переводити всякіи автономичныи выборы такъ, дабы имѣти лишь органы слѣпо себѣ преданныи безъ взгляда на общее добро, безъ взгляда на нравственную цѣну выбранныхъ. Также упомянулъ вчера товарищъ Антоневищъ о Уторонахъ, коссовского повѣта. Для того приведу дальше Хлѣбичинъ-польный, повѣта

снятинского, гдѣ бар. Капри передалъ урядъ громадскій на Герша Тауа и отъ года жидъ тотъ тамъ урядуетъ, бо властямъ невыгоденъ честный селянинъ; приведу Видиновъ, пов. снятинского, гдѣ п. Шнице кромѣ себе не допускаетъ другого войта, чтобы только имѣти работника; приведу Хомяковку, Березовъ, Баллицы, пов. коломыйского, Проскуровъ, Устье-рѣки и Космачъ, коссовского повѣта.

Я имѣлъ уже разъ случайность представити вамъ, гг., способъ жандармской господарки того послѣдняго повѣта. Изъ далека приглядаячесь, все тамъ спокойно, но никто не знаетъ, що тамъ на сподѣ кипитъ. Я не знаю ни одного мѣсточка, ни повѣта, гдѣ бы владѣлъ такіи страшный антагонизмъ между властями правительственными а населеніемъ, особенно интеллигентнѣйшимъ, якъ тамъ. Въ мнн. сесіи я забиралъ въ той справѣ голосъ и поднесъ вопросъ злоупотребленій жандармовъ въ томъ повѣтѣ. Сегодня нахожуся въ томъ пріятномъ положеніи, подати вамъ гг., до вѣдомости, що все, що я тогда сказалъ, подтвердили майже дословно ажъ двѣ судовыи инстанціи. Точно дня 15 с. м. отбылася апелляційная росправа противъ гг. Малачинского п. Пфайфера въ Коломыѣ и при той росправѣ констатовано, що жандармы въ Жабьемъ въ самомъ дѣлѣ немилосердно кольбовали и до крови били людей, якъ я то говорилъ. А такъ якъ тѣ самыи жандармы при росправѣ присягали, що они не били, то теперь они попалися подѣ карное слѣдство. Но, мои гг., я перевѣдченъ, що въ томъ всемъ не виновны самыи жандармы — я перевѣдченъ, бо ихъ

полковникъ во Львовѣ, съ которымъ я въ той справѣ говорилъ, сказалъ правду, заявляючи, що ни одинъ настоятель жандармеріи не учитъ жандармовъ въ ихъ школѣ бити и издѣватися надъ людьми. Виновниками тутъ наши старосты. Они позволяютъ и приказуютъ неразъ толочити правду; старосты заправляютъ жандармовъ до неправды. Я имѣлъ уже разъ случайность представити вамъ, якъ подъ претекстомъ неставленья одного выбирателя до войска еще передъ десятию лѣтами велѣлъ коссовскій староста арестовати его только на то, щобы на время стероризовати людей. Другій случай былъ въ Космачѣ. Когда выбиратели изъ Космача хотѣли въ осени 1891 г. vybrати себѣ не такую раду громадскую, якъ то себѣ п. староста желалъ, жандармы не лишъ отбирали картки, но подъ претекстомъ, що Иванъ Уторопчукъ подпадаетъ карѣ за якое-то преступленіе, арестовали его, сковали, а тѣ картки, которы были розданы, вложили ему въ скованныи руки, такъ щобы люди въ канцеляріи громадской видѣли, за що кують и за що арестуютъ.

Я уже свпомнулъ выше, якое состояніе экономичное въ коссовскомъ повѣтѣ, якъ то люди вандрують даже въ румынскіи лѣсы за полугодичную плату 50 зр. и страву въ родѣ бриндзы съ червами и т. д. Вотъ и що же вы, гг., скажете, що когда недавно одинъ жидъ, нанявши такихъ бѣдныхъ людей на роботу до Румуніи, не могъ ихъ скоро постягати, то п. староста коссовскій шупасомъ поотставлялъ людей на дворець желѣзной дороги, щобы

будущности то молокомъ и медомъ плывущее Подолье. Глухая стерня, а подъ нею тысячи нашихъ нѣмыхъ, терпеливыхъ селянъ!

Щобы той страшной нуждѣ зарадити, радить намъ п. Вивіенъ поднести промысль на Подолью, поднести земледѣліе, выбудовати сѣть подольскихъ желѣзныхъ дорогъ. Хорошо! Лишь не забываймо, що нагрѣшивши столько сотъ лѣтъ, мы однимъ закономъ, однимъ распоряженъемъ сему всему не зарадимъ. Тутъ потреба много десятокъ лѣтъ теплого, культурного, просвѣтительного труда; потреба цѣлой серіи экономичныхъ и соціальныхъ законовъ; и можетъ быти дождуться наши дѣти поправки экономичного положенъя. Лишь не думаймо, що такими законами, якъ въ послѣдніи времена, поправимъ селянскую долю. Такими законами, якъ проецированными законами ловецкимъ и рыболовскимъ, стремящимися явно выдерти селянину его послѣдній способъ жизни — мы его добъемъ а не спасемъ. Можетъ быти, що порядочное краевое господарство того вымогаетъ, щобы не всякій во всякую пору стрѣляль себѣ звѣрину и ловиль рыбу, но пригляньмося, чи мы изъ-за плотицы и заяца не жертвуемъ людей. Чи подъ покрывкою господарства краевого не форитуемъ мы часто дворовъ на некорысть селянъ? Чи не высыпаемъ мы непотребно грошей тамъ, гдѣ ихъ непотребно, вотъ хотябы на пр. на регуляцію Бялой. Уже въ бюджетной комисіи я слышаль, що за тотъ миліонъ и нѣсколькосотъ тысячъ зр. можно было въ двое столько земли купити, сколько въ регуляціи осушилося и охоронилося. Я могъ

бы такихъ случаевъ тысячи розсказати. Множество тысячъ гульденовъ кидается въ имя краевой культуры на инвестиціи, но Богъ видитъ, кто имѣетъ изъ того корысть. Селянинъ нашъ навѣрно нѣтъ!

Кончу примѣчаніемъ, що найвысшее уже время, ближе приемотрѣтся селянскому дѣлу, забратися до улучшенья его экономической доли — мы бо очевидно станули уже передъ смертію или... вульканомъ.

Съ выводами русскихъ пословъ полемизовали вице-президентъ краевой школьной рады г. Бобжинскій, референтъ краевого бюджета гр. Ст. Бадени, гр. Войт. Дѣдушицкій, Голеевскій и прч. Отвѣты тѣхъ пословъ чрезвычайно характеристичны между прочимъ и тѣмъ, що различного рода дешевыми софизматами, неудальми шутками и подозрѣніями они старались обойти сущность дѣла, стремясь единственно къ достиженію вишняго вида, якъ будто бы тѣмъ образомъ рекриминаціи русскихъ пословъ опровержены будутъ.

И такъ п. Бобжинскій, вмѣсто опровергнути факты, наведенныи д-ромъ Антоневи-чемъ, доказующи поведеніе школьныхъ властей въ виду русского народа, запускается въ полемику о русскихъ народныхъ партіяхъ и инсинууетъ неоправданнымъ образомъ, що старо-русская партія агитовала противъ открытія русской гимназій въ Коломыѣ. Но когда, гдѣ и чѣмъ, спрашиваемъ мы вице-президента краевой школьной рады и принужде-

ны высказати наше удивленіе, що представитель верховной школьной власти такъ poinformованный о исторіи коломыйской гимназіи. Мы признаемъ г. Бобжинского человѣкомъ серьезнымъ и для того его аргументы насъ прямо привели въ изумленіе.

Если г. Бобжинскій утверждаетъ, що краевая рада школьная никогда не руководятся политикою, то мы не можемъ на то иначе отвѣтити, якъ лишь спросити вице-президента той рады школьной: якимъ образомъ возможны въ томъ случаѣ подобныя происшествія, которые навелъ въ своей рѣчи пос. Антоневиць?

На одно обстоятельство смѣемъ еще, согласно съ рѣчію д-ра Антоневица, обратити вниманіе г. Бобжинского, а именно на то, що вопросъ о фонетицѣ, введенія которой захотѣлось нѣсколькимъ учителямъ — то чисто политической, а не дидактической вопросъ и весь народъ нашъ не иначе понимаетъ оный, лишь яко средство для постепенного введенія латинской азбуки въ русской словесности, а слѣдовательно яко средство для ополяченія нашего народа. Народъ нашъ принялъ фонетичный вопросъ яко прямой атентатъ на его народныя святоци и народность.

Правительство столькратно уже заявляло посредствомъ своихъ представителей въ школьныхъ дѣлахъ, що оно не мѣшаетъ политики въ школьныхъ дѣла, и для того намъ уже съ горы извѣстно, якій будетъ результатъ жалобъ русскихъ пословъ относительно колонизаціи системы въ школахъ.

Для насъ не остается другого выхода, лишь выжидати въ томъ отношеніи доказательствъ со стороны правительства, такъ якъ лишь тогда, если мы не будемъ имѣти причины къ такъ численнымъ и оправданнымъ рекримиціямъ, можно будетъ говорить, що на русской землѣ не господствуетъ колонизаціонная система.

Изъ рѣчи гр. Дѣдушицкаго оказывается ясно, якъ понимаютъ поляки „самостѣйность“ того народа, къ которому принадлежатъ наши сепаратисты-украинофилы. Гр. Войт. Дѣдушицкій говоритъ выразительно, що полякамъ росходится о образованіе самостоятельной русинской“ народности, но оскорбленіе правъ галицко-русского народа называетъ онъ мелочію и видитъ въ Галичинѣ только одно общество, изъ чего также оказывается, въ якихъ формахъ представляетъ себѣ гр. Дѣдушицкій ту „самостѣйность“ имѣющаго образоватися русинского народа.

Членъ выдѣла краевого п. Хамецъ, защищая тотъ же выдѣлъ отъ замѣта о денунціаціи старорусской партіи въ намѣстничествѣ и министерствѣ, назвалъ то поведеніе „урядованіемъ“ выдѣла краевого говоря, що введеніе фонетки имѣетъ на цѣли очищеніе русского языка отъ „московщины“. Дѣйствительно дивныи понятія, будто бы правопись составляетъ языкъ, или будто бы фонетичною правописью не можно писати и по велико-русски. П. Хамецъ или мало занимался литературою вообще, или легковажитъ себѣ слушателей въ соймѣ, надѣясь, що подобныи аргументы готовы убѣдити пословъ. Фонетика (о

томъ всё въ соймѣ убѣждены), то прологъ для введенія латинской азбуки и совершенного колонизованія „самостѣйнаго“ народа нашихъ сепаратистовъ.

Генеральный референтъ краевого бюджета гр. Ст. Бадени видимо находился въ плохомъ расположеніи духа, видя крушеніе „новой эры“, созданіе которой приписываютъ ему нѣкоторые круги. Для того то понятно, що графъ Станиславъ съ такою ненавистію кидался на старо-русскую партію и п. Антоневича и закидая той старорусской партіи консерватизмъ въ ненависти до поляковъ, самъ отличился фанатичною ненавистію къ той партіи, которая своею численностію и чисто-народными стремленіями представляетъ галицко-русскій народъ. Но и чѣмъ-же партія та заявила свою ненависть къ полякамъ? Ничѣмъ, а только тѣмъ, що требуетъ рѣшительно правъ для своего народа!

Якъ рѣчи нашихъ пословъ отличались умѣренностію и спокойствіемъ, такъ рѣчь графа Станислава Бадени отличалась злобою, нетерпимостію, и была держана въ тонѣ, якъ будто бы гр. Стан. Бадени сосредоточалъ въ себѣ краевую власть. Онъ даже угрожалъ, що будетъ старатися и постарается о томъ, чтобы мѣсто русскихъ пословъ въ будущности заняли другіи послы. Такое дерзкое высокомѣріе возможно только у людей, которые не знаютъ, якимъ образомъ такъ легко и скоро пришли къ значенію и почестямъ и считаютъ себе людьми, которымъ будто прислугуютъ спеціальныя прерогативы. Рѣчь гр. Станислава Бадени полна дерзости и ненависти

для нашего народа и она останется въ его памяти. Теперь мы знаемъ, якии люди мѣшаются въ наши дѣла и понятно для насъ: куда завели бы они нашъ народъ.

Важнымъ въ той же дебатъ было также заявленіе представителя правительства графа Лося, который констатовалъ, що краевое правительство дало ново-эристамъ въ 1890 году обѣщанія, именно же: 1) що будетъ во всѣхъ русскихъ дѣлахъ поступати безсторонно и 2) що по возможности удовлетворитъ всякимъ спеціальнымъ русскимъ желаніямъ. Если такіи обѣщанія были — а що они были, о томъ сегодня уже никто не будетъ сомнѣваться, хотя при концѣ соймовой сесіи въ 1890 году заявилъ одинъ достойникъ во всеуслышаніе, що между нимъ и ново-эристами ничего не было — то намъ непонятно: по якимъ поводамъ въ теченіи послѣдняго полгода происходило значительное число фактовъ, не свидѣтельствующихъ о подтвержденіи словъ заступника правительства. Факты тѣ назвалъ гр. Лось мелочными промахами (*drobne usterki*), однако изъ рѣчей нашихъ пословъ, переданныхъ нами по стенографическимъ запискамъ, всякій пойметъ, що наведенныи факты трудно признавати яко *drobne usterki*. Впрочемъ само краевое правительство, силою своей наблюдательности, навѣрно знаетъ, що дѣлается въ подчиненныхъ ему урядахъ.—Правительственный комисаръ говорилъ дальше, що подвѣдомственные власти получаютъ приказы: держатися законовъ. Но, не смотря на то, мы видимъ, к о томъ свидѣлствуютъ жалобы нашихъ пословъ, народныи вѣча и также

постоянно сообщаютъ наши газеты, що приказы правительственныхъ властей не много помогли и выходило бы на то, що подвѣдомственные власти краевому правительству не повинуются, а если такъ было бы въ дѣйствительности, то слѣдовало бы чѣмъ скорше не-правильность ту устранить...

Меморіальъ краев. выдѣла о фонетицѣ.

Въ бесѣдѣ посла Антоневица которая напечатана въ началѣ сей книжечки, вспоминается о томъ, що выдѣлъ краевый мѣшается даже въ такія русскія sprawy, якъ правопись, до чего нѣтъ у того же выдѣла наименьшого права. Посоль Антоневицъ поднесъ именно въ своей бесѣдѣ, що краевый выдѣлъ составилъ и выслалъ въ министерство меморіаль, въ которомъ требуетъ, чтобы русскій переводъ державныхъ законовъ печатался фонетикою и такимъ „чистымъ“ русскимъ языкомъ, якого употребляетъ выдѣлъ краевый, то значить, чтобы языкъ въ русскихъ переводахъ державныхъ законовъ былъ на половину спольщенный и при томъ, чтобы въ тѣхъ русскихъ переводахъ не было даже на лѣвкѣ видно нашихъ старо-русскихъ буквъ ъ, ы, ѣ. Меморіаль тотъ изготовилъ членъ краевого выдѣла и пріятель г. Романчука, д-ръ Даміанъ Савчакъ, а потомъ исправилъ его членъ краевого выдѣла панъ Хамецъ, одинъ изъ главныхъ опекуновъ „новой эры“ и ново-эристовъ.

признають себе компетентными требовати въ меморіалахъ чистоты русскаго языка и представляти, що слово „россійскій“ имѣющее то самое значеніе що „русскій“, заключаетъ въ себѣ опасность для державы!

Якъ назвати такое поведеніе краев. выдѣла — мы не знаемъ!

М—вз.

